

XV 20

Государственная
Библиотека
СССР
пл. В.В. Маяковского

п-3209-50
замена

МОСКОВСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ВЪДОМОСТЕЙ

Годъ XL.

Еженедѣльное

января 5-го 1908 г.

изданіе.

№. 1.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер.
Епархіальный дворъ, редакція
„Моск. Церк. Вѣдомостей“.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки: за 1 разъ 30 к., за 2 раза 50 к., за 3 раза 70 коп., на годъ—по особому условію.

Подписная цѣна: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р., на мѣсяць 40 к.
Съ доставкою и пересылкою на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на мѣсяць 1 р.
Отдѣльные №№ по 10 коп. продаются во всѣхъ книжкахъ прола Москвы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВЪДОМОСТИ“

И

„БЛАГОВѢСТЬ“

на 1908 годъ

НА ПРЕЖНИХЪ УСЛОВІЯХЪ.

Въ случаѣ неисправной доставки №№ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей и Московскаго Благовѣста, Редакція проситъ немедленно уведомлять ее, такъ какъ она не имѣетъ возможности проверить жалобы на неисправную доставку, поступающія въ Редакцію по истеченіи, иногда, значительнаго срока. При этомъ для повѣрки Редакціи необходимо печатный адресъ, который Редакція и проситъ прилагать при заявленіяхъ.

Нѣкоторые же, благочинные обращаются въ Редакцію Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей съ запросомъ: можно ли выписывать по почте листки Московскаго Благовѣста на каждую неделю по 25, 30, 40, 50 экземпляровъ на одно лицо и на какихъ условіяхъ? Сильно доводитъ до смѣху то условіе доставки Благовѣста одинаковы, какъ для выписывающихъ сотнями экземпляры, такъ и разныя. Принимаются во вниманіе общее количество Благовѣста.

Соціалъ-демократія и религія¹⁾).

(Продолженіе. См. № 52).

Но чтобы христіанство могло дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ, оно должно свободно и безпрепятственно развиваться и употреблять въ дѣло все свои силы. Гдѣ религія пользуется полною свободою, тамъ больше и лучше развивается и цвѣтетъ христіанская жизнь. У насъ, къ сожалѣнію, не такъ. Церкви, особенно евангелическая, находятся въ Германіи подъ строгою опекою, даже, смѣло можно сказать, подъ полицейскимъ надзоромъ государства; христіанство крѣпко зашнуровано въ куртку принужденія, въ которую облекла его заботливая и глупая бюрократія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Баваріи, за церквями смотрятъ съ какимъ-то страннымъ недовѣріемъ; тамъ каждый священникъ самъ по себѣ какое-то подозрительное существо, которое, Богъ знаетъ, изъ какихъ побужденій, можетъ причинить разнаго рода бѣдствія, испровергнуть государство, подкопаться и подорвать правительственную власть и нанести вредъ общественному порядку, если ему не будутъ обрублены крылья и когти мѣстною „іерархіею“. Какое неестественное, щекотливое и неблаговидное положеніе возникло изъ этихъ несчастныхъ условій! Протестантская церковь имѣетъ главенствующаго вышаго епископа въ лицѣ царя. Она управляется министромъ католическаго культа, оберегается и контролируется, установленною закономъ корпораціею, которая избрана для совершенно стороннихъ цѣлей и не представляетъ ни малѣйшей гарантіи для христіанскаго образа мыслей и настроенія. И это недовѣрчивое государство, слишкомъ заботливо оберегающее свою власть и мало заботящееся о преуспѣяніи церкви, поставитъ для религіознаго общества въ качествѣ спеціального его руководителя одного изъ своихъ чиновниковъ, который, по его понятію, кажется ему самымъ подходящимъ? Если какой-нибудь баварскій священникъ, прибывъ изъ Маннгейма въ другое мѣсто, захочетъ сказать при удобномъ случаѣ проповѣдь за своего коллегу,

¹⁾ Перев. М. В.

то для этого нужно особое разрѣшеніе мѣстнаго начальства. Какая опасность могла бы произойти отъ этой проповѣди для мѣстнаго населенія? Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, придворный проповѣдникъ Штеккеръ, на одномъ миссіонерскомъ праздникѣ въ городѣ Шпейерѣ хотѣлъ сказать рѣчь, то изъ этого чуть было не возникло цѣлое дѣло государственной важности, при чемъ потребовались разнаго рода удостовѣренія, пока не былъ допрошенъ, какъ свидѣтель, Берлинскій пасторъ въ Баваріи. Если бы не убоялись, что въ данномъ случаѣ за своего оскорбленнаго придворнаго проповѣдника можетъ вмѣшаться самъ Императоръ, то, Богъ знаетъ, что могло бы произойти. А, между тѣмъ, социаль-демократическіе агитаторы и подстрекатели, которые, не скрываясь, говорятъ, что они хотятъ ниспровергнуть весь общественный строй, Императора, Законъ, Рѣхстагъ, Государство, религію и всю бюрократію и буржуазію, невозбранно переходятъ изъ одной страны въ другую, перебѣгаютъ отъ одной границы на другую и взрываютъ, подобно степнымъ мышамъ, съ высокаго начальственнаго соизволенія, хорошо воздѣланное поле. При такихъ размышленіяхъ невольно припоминается мнѣ тотъ еврей, который однажды въ холодную зимнюю пору шелъ по городу Оффенбаху и подвергся нападенію со стороны злыхъ собакъ, которыхъ онъ хотѣлъ отогнать отъ себя камнемъ. Но когда увидѣлъ, что камень примерзъ къ землѣ, то съ негодованіемъ воскликнулъ: о, проклятая страна, гдѣ камни привязаны, а собаки бѣгаютъ отвязанныя! Подобно сему и у насъ: *церковь связана, а социаль-демократія остается развязанною.*

Наше настойчивое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы церковь возвратить самой себѣ и предоставить ей дѣйствовать по своимъ собственнымъ основоположеніямъ, которыя не могутъ быть ни опасными, ни гибельными для государства. Въ настоящее время опасность идетъ къ намъ съ другой стороны, со стороны социаль-демократіи. Въ рѣшительный, роковой часъ религія, вмѣстѣ съ крестьянскимъ сословіемъ и арміею, будетъ главною опорою существующаго общественнаго порядка противъ натиска социаль-демократическаго ученія. Если у церкви будутъ связаны и

руки, и ноги, тогда и все остальное ни на одну минуту не задержит паденія и гибели государства.

Если же церковь сдѣлаютъ самостоятельной, если дозволятъ ей дѣйствовать по своему индивидуальному, исторически сложившемуся укладу, то она съ новою ревностію пойдетъ на свою работу и съ честью исполнитъ свою задачу. Государственная опека виситъ, какъ свинцовая тяжесть, на подошвѣ христіанства и разслабляющимъ, даже убійственнымъ образомъ дѣйствуетъ на жизнь и дѣятельность какъ цѣлаго, такъ и отдѣльнаго лица. И тѣ сонливые бездѣятельные священники, государственные „нахлѣбники“, которые не только у социаль-демократіи, но и у меня служатъ спицею въ глазу, сойдутъ тогда со сцены; они обязаны своимъ существованіемъ единственно такой государственной опекѣ.

Если церкви могутъ дѣйствовать свободно по своимъ евангельскимъ началамъ, то будутъ ли онѣ все еще употреблять свои силы одна противъ другой и неразумнымъ образомъ терзать другъ друга, будутъ ли онѣ все еще бороться и ослаблять другъ друга взаимными распрями? Именно изъ ревности, изъ противоположности, которую искусственно вызываетъ вредное вліяніе государства, чтобы употреблять и пользоваться одною церковью противъ другой, проистекаетъ тотъ печальный раздоръ, на который такъ часто жалуются и который радостно привѣтствуется социаль-демократіей¹⁾. „Наши враги“, торжествуетъ Бебель, „разъединены, а мы объединены, слѣдовательно, мы навѣрно побѣдимъ ихъ“. Ужели братья на самомъ дѣлѣ должны быть такъ безумны, чтобы возиться въ домѣ ихъ изъ-за одного стула въ то время, какъ горитъ крыша? Я думаю—нѣтъ; я увѣренъ что одинаковая грозная приближающаяся опасность скорѣе сблизитъ все великія христіанскія исповѣданія, такъ чтобы они могли выступить въ походъ не въ разъединеніи, а сражаться заодно.

Предоставьте вы, правящіе господа, церквамъ и религіи свободу, и вы сдѣлаете ихъ этимъ сильнѣе, а это прежде всего пойдетъ на пользу Государству. Даже Бе-

¹⁾ Авторъ въ рѣчи и положеніи церковей имѣетъ въ виду, конечно, Германію и при томъ во времена знаменитой „культурной борьбы“ кн. Бисмарка. (Примѣчаніе переводчика).

Бель, который кажется не обладает никакимъ особеннымъ остроуміемъ и дальнозорностію—и тотъ замѣчаетъ, что граждане въ самыхъ свободныхъ государствахъ міра, на-примѣръ, въ Швейцаріи, Бельгіи, въ Америкѣ, больше всего склонны къ благочестію. Переносясь мыслию къ Германіи, мы видимъ, что тамъ, гдѣ христіанство можетъ совершать свою дѣятельность болѣе свободно и безпрепятственно, гдѣ оно меньше всего стѣнено государственною опекою, тамъ оно проявляетъ наибольшую силу и дѣятельность, тамъ гораздо больше привлекаетъ оно къ себѣ сердце и искреннихъ послѣдователей подобно тому, какъ фактически религія въ Америкѣ представляетъ изъ себя наиболѣе крѣпкую силу, чѣмъ въ Германіи; тамъ церковь не есть какая-нибудь политическая партія; она не должна вступаться за какое-нибудь сословіе или извѣстное политическое направленіе; она не будетъ вмѣшиваться въ партійную борьбу политическихъ страстей, въ пучину государственной жизни; она является предъ всѣми, какъ нравственная, духовная, идеальная сила, обнимающая всѣхъ гражданъ, которая возстановляетъ въ сердцахъ границы, если онѣ падаютъ во внѣ, которая возжигаетъ въ груди человѣка совѣсть, какъ бдительнаго стража порядка, какъ нелицепріятнаго, внѣпартійнаго, строгаго судію, если порядокъ во внѣшней жизни все болѣе и болѣе исчезаетъ.

Вотъ, основаніе того явленія, котораго Бебель, естественно, не понимаетъ, но которое понятно для насъ, изъ котораго должны мы выводить правильныя заключенія. Религіозными принудительными средствами государство ничего не можетъ достигнуть; пытки и преслѣдованія въ религіи и религіозныя ноты въ государственныхъ учрежденіяхъ также немного могутъ принести пользы: дайте только свободу христіанству,—и оно уже само сумѣетъ найти путь къ сердцу народа, и именно тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ менѣе государство протягиваетъ къ этому свою, часто неумѣлую, руку.

Чѣмъ больше внѣшняя свобода, тѣмъ необходимѣе внутреннее самостѣненіе, если люди должны необходимо жить одни подлѣ другихъ. Даже если бы соціалъ-демократіи удалось совершенно отмѣнить законъ и начальство и снова возстановить стадное состояніе, то лишь только

религія въ состояніи была бы воспрепятствовать ужасной анархіи, и тогда открылась бы со всею силою необходимость религіозно-нравственнаго вліянія на человѣка. Когда уже нѣтъ никакого закона во внѣ, тогда неизбѣжно выступаетъ на сцену законодатель внутри человѣка и, такимъ образомъ, гонимое, презираемое, уничтожаемое и разрушаемое христіанство съ изумительною, магическою силою снова восторжествуетъ, потому что оно имѣетъ свой корень, свое основаніе въ неугасимой потребности человѣческаго сердца, въ самомъ человѣческомъ существѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

—~~~~~—
1 января 1908 года.

Дажь дождь земли жаждущей, Спасе! Въ новолѣтіе просится на уста эта молитва. Вспоминается намъ все то, что было пережито нами и перечувствовано ровно годъ тому назадъ предъ новымъ, а нынѣ уже минувшимъ годомъ, и что вылилось тогда въ нашей новогодней статьѣ. Перечитавъ ее теперь, мы видимъ, что опредѣленіе явленій, потребностей и запросовъ времени, въ отношеніи къ дѣятельности пастырской, нами тогда было указано правильно. Отрезвленіе послѣ революціоннаго угара, нами тогда предуказанное, несмотря на все то, что мы видѣли въ отшумѣвшей нынѣ второй Государственной Думѣ и вопреки ей,—отрезвленіе это теперь для всѣхъ является несомнѣннымъ фактомъ. Выборы въ третью Государственную Думу ясно показали, что революція, въ смыслѣ уличныхъ демонстрацій, вооруженныхъ выступленій и массовыхъ волненій, ослабѣла. Мы присутствуемъ при ликвидаціи дѣлъ революціи. Она оставила на себѣ много гнили и нравственной мерзости: развратила множество рабочихъ, отняла у нихъ нравственные устои, разбудила и поощрила всѣ тѣ животныя инстинкты злобы, зависти, ненависти, которые теперь рождаютъ всѣ грабежи и убійства. Извѣстіями о такихъ страшныхъ проявленіяхъ злобы пестрятъ всѣ сообщенія газетъ о текущей жизни. Одно изъ самыхъ страшныхъ извѣстій пришло къ

намъ въ самомъ концѣ года: сынъ, 23 лѣтъ, въ Рождественской сочельникъ убилъ отца своего—протоіерея, мать, свою, и самъ застрѣлился!

Революція, далѣе, выбила изъ законнаго существованія множество людей, которымъ стало невозможно жить въ обществѣ легально и спокойно: это бѣглецы-каторжники и ссыльные, разыскиваемые полиціей преступники и т. п. личности. Выброшенные изъ рамокъ нормальной жизни и лишённые возможности къ ней возвратиться, эти люди, по необходимости, должны жить грабежами и „экспроприациями“; они считаютъ выгоднымъ для себя поддерживать общественное разстройство и революціонное движеніе, объщающее имъ амністію и возвращеніе къ спокойной жизни и къ существованію, обезпеченному закономъ. Они, печальное наслѣдіе всякой революціи, частью вымираютъ отъ чахотки и другихъ болѣзней, свойственныхъ ихъ ненормальной жизни, частью кончаютъ жизнь въ тюрьмахъ и на висѣлицахъ за совершаемыя преступленія, частью, наконецъ, погибаютъ въ самоистребленіи, въ самоубійствахъ, которыя нынѣ увеличились въ ужасающей степени. Тактика революціи всегда одна: предъ рѣшительнымъ натискомъ закулисные дѣятели революціи обычно стараются выбросить на улицы изъ учебныхъ заведеній, изъ фабрикъ и заводовъ какъ можно больше молодыхъ жизней, поставленныхъ въ нелегальное существованіе. Это—пушечное мясо революціи. И въ концѣ революціоннаго движенія остаются для ликвидаціи и смерти тѣ же общественные элементы, — большею частью, несчастные юноши, учащіеся въ высшихъ школахъ.

Все это мы говоримъ для того, чтобы дать правильное освѣщеніе тѣмъ преступленіямъ, которыя своимъ множествомъ могутъ навести на ложную мысль о томъ, будто эти преступленія являются показателемъ жизни и направленія всего русскаго общества.

Нѣтъ, теченіе общественной жизни постепенно входитъ въ должное русло—въ этическія основы, которыми живо всяко общество и которыя могутъ покоиться и покаяться только на религіи. Вчерашнія крайнія газеты, проповѣдывавшія такъ недавно революцію и привѣтствовавшія всякія выходки черни и хулиганство, теперь уже значи-

тельно сдали и понизили тонъ. Это уже очень ясный показатель общественной жизни. Но еще яснѣе мы это видимъ на тѣхъ общественныхъ силахъ и организаціяхъ, которыя выступили въ свое время на борьбу съ революціей. Естественно, когда по улицамъ носились красныя тряпки, когда кровь лилась, взрывались бомбы, гремѣли браунинги, раздавались зажигательныя митинговыя рѣчи, эти организаціи тоже выходили на улицы и боролись съ крамольниками также демонстраціями, рѣчами, обличеніями, шумливыми выступленіями.

И естественно, въ этой протестующей дѣятельности мы видѣли много страстнаго, много заимствованнаго, въ смыслѣ способовъ и приѣмовъ борьбы, у противниковъ, много чисто политическихъ интересовъ, хотя и возглавленныхъ словомъ и понятіемъ: православіе. Все это, повторяемъ, было естественно и необходимо. Но вотъ, мы видимъ, что сказанныя патріотическія организаціи уже замѣчаютъ и сознаютъ, что на такихъ временныхъ мотивахъ и интересахъ нельзя обосновывать правое и истинно народное патріотическое движеніе. Всѣ рѣшительно серьезные руководители патріотическихъ союзовъ нынѣ единодушно признаютъ, что необходимо дать этому движенію направленіе именно *церковно-народное*, религіозно-нравственное. Предполагается создать особыя братства; поставить во главу религіозно-нравственные интересы и руководство вѣры Христовой; освѣщать, освящать и осмысливать богооткровенною истиною всѣ проявленія и стороны общественной и государственной жизни и самый патріотизмъ. Это уже показатель огромнаго духовнаго переворота въ русскомъ народѣ и обществѣ.

Конечно, дѣло только въ зачаткѣ, оно далеко еще до полнаго завершенія, еще не вылилось въ какія либо формы внѣшнихъ организацій, но эта жажда вышаго принципа, это стремленіе прильнуть къ источнику вѣчной жизни, имѣетъ для всѣхъ и особенно для пастырей огромное симптоматическое значеніе.

Пастырямъ церкви необходимо вдуматься въ эти явленія, принять ихъ во вниманіе въ своей дѣятельности и не остаться внѣ жизни.

Напротивъ, если нужно быть всегда „всѣмъ вся“ то тѣмъ болѣе нравственно обязательно для служителей Церкви не отвернуться отъ движенія въ сторону религіозныхъ и нравственныхъ интересовъ, а направить его именно въ церковное русло. Необходимо помнить, что гдѣ мы не возвѣстимъ Христа, тамъ явится антихристъ, что мѣсто наше пусто не будетъ, и взамѣнъ отсутствующихъ пастырей церковныхъ, явятся волки хищные, желающіе расхитить стадо.

Посмотрите же на нивы, какъ онѣ готовы къ жатвѣ! Вотъ высшее общество и цвѣтъ интеллигенціи въ религіозно-философскихъ обществахъ Петербурга и Москвы ищутъ религіознаго вѣдѣнія и получаютъ камень вмѣсто хлѣба, слышатъ хулу на Церковь и на Самого Христа и ею отравляютъ свой духовный вкусъ.

Вотъ учащаяся молодежь, разочаровавшись въ идеѣ революціи, создаетъ академическіе кружки, поставляющіе цѣлью возвратить школу наукѣ и труду, а за ними теперь — христіанскія содружества, религіозные кружки, громко говорящіе о томъ, что и юность ищетъ Бога.

Вотъ простой народъ, освобождаясь отъ революціоннаго угара, постепенно возвращается къ оставленному храму; мы видимъ, усиливается, хотя и немного, число говѣющихъ, посѣщающихъ богослуженіе. Вотъ исчезаютъ постепенно всякія кричащія красныя брошюрки о социализмѣ, о государственномъ устройствѣ, о государственныхъ переворотахъ, объ анархіи и анархистахъ, и въ отвѣтъ на проснувшуюся потребность почитать „божественнаго“, услужливый книжный рынокъ начинаетъ издавать книжки и брошюрки религіозно-нравственнаго содержанія. Но врагъ не дремлетъ и даромъ не уступитъ поля сраженія: и подъ вкусъ народа поддѣлываясь, врагъ снабжаетъ его изданіями Ренана, переводными книжонками, проповѣдующими атеизмъ, говорящими о несостоятельности христіанства и проч. И сектанство уловляетъ неопытныхъ въ свои сѣти, и рационализмъ съ юга наступаетъ къ сѣверу и сѣверо-востоку Россіи, къ мѣстамъ, гдѣ не было доселѣ ничего, кромѣ раскола, и гдѣ сектанствующая мысль доселѣ не имѣла успѣха. Вотъ, наконецъ, еще признакъ: жажда проповѣди, желаніе получить

въ церкви листки, книжечки, наконецъ, усилившейся спросъ на такія именно произведенія религіозно-нравственнаго содержанія.

Пастыри не могутъ не замѣчать всего этого. А для того, чтобы быть во всеоружіи, они не безсильны, не безотвѣтны. Церковь за тысячелѣтія своей просвѣтительной работы оставила указанія, какъ нужно дѣйствовать на души, жаждущія правды и подвига.

Да, ищутъ именно подвига, и поэтому никакое начинаніе среди самихъ пастырей, имѣющее цѣлью религіозно-просвѣтительное служеніе народу, не будетъ пользоваться успѣхомъ, не принесетъ плода и даже не возбудитъ вниманія, если оно не будетъ построено именно на подвигѣ, на жертвѣ, на служеніи Богу.

Все, что говорятъ о правахъ членовъ Церкви, а не о обязанностяхъ, о облегченіяхъ Церковной дисциплины и нравственныхъ требованій, а не о строгости въ ихъ исполненіи—все это обречено на гибель и будетъ только способствовать разложенію духовной жизни, а не возсозданію ея. Дайте священникамъ право свѣтской одежды, хожденія въ театръ, вдовцамъ—вторыхъ женъ, мірянамъ—освобожденіе отъ поста, отъ длинныхъ богослуженій и рядомъ—права въ церковномъ управленіи, отмѣните все препятствія для развода: вы не создадите тѣмъ *религіознаго* движенія, вы удовлетворите тѣхъ, которые и безъ вашего разрѣшенія все это себѣ сами давно разрѣшили, вы не воспламените холодныхъ, но церковный народъ смутите и оттолкнете и бросите въ объятія раскола и сектанства. Сомнѣваются нынѣ въ пригодности принятыхъ церковныхъ средствъ воздѣйствія на вѣрующихъ, но сомнѣваются тѣ, которые къ этимъ средствамъ не прибѣгали, или прибѣгали показно, холодно, ради отбытія повинности, за страхъ, а не за совѣсть.

Богослуженіе, совершаемое истово, усердно, внятно и благоговѣнно; молитва искренняя, горячая, зажигающая сердца; проповѣдь и проповѣдь и затѣмъ, какъ практическая работа, возсозданіе прихода и приходскихъ учреждений, усиленіе такой приходской работы—вотъ средства истиннаго *обновленія* нашей церковной жизни. Они—въ усиленіи, а не въ ослабленіи церковности. Они и дадутъ

въ приходахъ тѣ ячейки, духовной жизни, тѣ орудія и средства единенія и оцѣнки людей, безъ которыхъ и самый соборъ церковный, грядущій и желанный, не возможенъ и бесполезенъ. Правила для созыва Собора утверждены. Въ принципѣ онъ предрѣшенъ. Нужно, не теряя времени, готовить къ нему себя и другихъ, чтобы Соборъ былъ оцѣненъ и принятъ достойно, чтобы постановленія его были авторитетны, чтобы путемъ правильной организациі приходо́въ, были избраны и посланы на Соборъ представители вѣрующаго народа, истинно-вѣрующіе, истинно-церковные, одушевленные желаніемъ блага для Церкви Божіей.

Даждь дождь земли жаждущей, Спасе! Благослови вѣнецъ новаго лѣта благодати Твоей, Господи!

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Въ тихомъ Серафимовскомъ уголкѣ.

(По поводу 75-лѣтія со дня кончины преп. Серафима).

Въ серіи картинъ художника Нестерева есть одинъ выразительный сюжетъ: „Святая Русь“. Знакомая русская природа. Запущенный снѣгомъ перелѣсокъ, среди котораго виднѣется убогая деревянная постройка. Вблизи нея группа инокинь, старцевъ и стариць, возглавляемыхъ Самимъ Спасителемъ и извѣстными русскими угодниками, въ которыхъ узнаешь, между прочимъ, преподобнаго Сергія Радонежскаго, святителя Николая...

Когда смотришь на эту картину, то невольно задаешь себѣ вопросъ, уцѣлѣла ли среди мятежнаго духа времени эта „Святая Русь?“

Конечно, мы незамѣтимъ ее въ житейской суетѣ, въ шумѣ столичныхъ городовъ.

Но эта „Святая Русь“ цѣла, цѣла, иногда незримая для глазъ городскихъ жителей.

Мы найдемъ ее не въ сутолокѣ жизни, но въ тишинѣ вольнаго простора, вдали отъ тревоженій.

Болѣе семьдесятъ лѣтъ миновало съ того времени, какъ многочисленные почитатели старца Серафима оплакали блаженную кончину его! Теперь тамъ, въ Саровѣ, уже болѣе семьдесятъ лѣтъ высится надмогильный памятникъ, на которомъ написала рука близкаго человѣка: „онъ жилъ во славу Божию 73 года 5 мѣся-

цевъ и 12-ть дней¹⁾... Казалось бы, что и самое имя старца могло давно ужъ забыться. Вѣдь умеръ только простой инокъ, скромный незамѣтный пустынный, умеръ семьдесятъ пять лѣтъ назадъ— время достаточное для забвенія... Вѣдь ни громъ побѣдъ и завоеваній, ни потоки крови, ни опустошенія, никакія открытія или изобрѣтенія не ознаменовали исторіи его жизни. И однако неподдѣльная „вѣчная память“ по смерти и тихія слезы при его погребеніи!.. Видно, что не напыщенная національная гордость народа, а святая любовь похоронила дивнаго старца... Не было при погребеніи его толковъ, не было споровъ о томъ, съ какими почестями хоронить его... И однако, что-то манящее, близкое сердцу есть въ этомъ тихомъ, кроткомъ образѣ старца...

Русь полюбила его за то же, за что любить и другихъ святыхъ русскихъ старцевъ и подвижниковъ и особенно печальника Русской земли—преподобнаго Сергія... Полюбила его за слезы и молитву сочувствія, за пониманіе религиозныхъ запросовъ души и за ихъ удовлетвореніе, за чудеса возрожденія маловѣрующихъ, за обращеніе къ Богу невѣрующихъ и за то, наконецъ, братолюбивое общеніе, которое зиждется на единствѣ вѣры и на общности святыхъ упованій... Да и не это только влекло сердце русскаго человѣка къ „убоному Серафиму“... А еще и то, что [въ своемъ скромномъ убожествѣ, отъ начала до конца, старецъ былъ съ русской душой, съ русскими взглядами, съ русскими мыслями и надеждами. Въ немъ во всей красотѣ раскрылись и нашли себѣ полное выраженіе всѣ лучшія стороны русской народной души...

Отъ первыхъ шаговъ, которыя дѣлалъ великій подвижникъ на пути своего духовнаго совершенствованія, до послѣдняго вздоха, Саровскій старецъ былъ всегда живымъ воплощеніемъ сроднаго русскому сердцу духовнаго настроенія. Сроденъ поэтому намъ и самъ старецъ...

Прислушайтесь къ задушевному завѣту „кроткаго“ сердцемъ... И здѣсь вы узнаете своего смиреннаго наставника—учителя: „когда меня не станетъ, говорить онъ, вы ко мнѣ на гробикъ ходите! Какъ вамъ время, вы и идете; чѣмъ чаще, тѣмъ и лучше. *Все, что есть у васъ на души, чтобы ни случилось съ вами, о чемъ бы ни скорбѣли, придите ко мнѣ, да все свое горе съ собой-то и принесите на мой гробикъ!* Припавъ къ землѣ, какъ живому все и разскажите, и услышу я васъ, вся

1) Старецъ Серафимъ умеръ 2-го января 1833 года.

скорбь ваша отлетитъ и пройдетъ! Какъ вы съ живымъ всегда говорили, такъ и тутъ! Для васъ я живой есть, буду и во вѣки“. Нѣтъ! не самочинный, не самозванный учитель призываетъ здѣсь православно-русскаго человѣка! Онъ не изъ тѣхъ, кто учить и *не хочетъ справляться съ запросами христіанской души*. Онъ не изъ тѣхъ, кто любитъ, чтобы все его слушали и самъ въ то же время не слышитъ ни голоса, ни заявленія простыхъ русскихъ людей. Нѣтъ, онъ самъ *хочетъ выслушать все*, что таится въ наболѣвшемъ сердцѣ приходящихъ къ его гробику, какъ слушалъ онъ всѣхъ и при жизни. Онъ самъ *хочетъ*, чтобы къ нему на могилку несли и горе и радость и, припавъ къ землѣ, дѣлились съ намъ, скромненькимъ инокомъ, всѣми своими думами, всѣмъ своимъ чувствомъ...

Иди же многострадальная Русь, иди ко гробу Саровскаго старца, притекай къ нему вѣрой и сердцемъ, когда это сердце изнываетъ подъ бременемъ жизни...

И „Святая Русь“ идетъ за нимъ... Его имя пронесено по всей Руси... Его любовь загорается яркимъ огнемъ въ продолжателяхъ его дѣла, которые, по его примѣру, строятъ новые уголки-пріюты для смиренной вѣры. Его молитвенные подвиги, запечатлѣнные долгимъ моленіемъ на камнѣ, дѣлаютъ даже этотъ камень источникомъ духовнаго оздоровленія русскаго народа. Останки камня разносятся по далекимъ мѣстамъ, и около нихъ собираются люди вѣры.

Однимъ изъ такихъ то уголковъ является Серафимовская церковь—школа—этотъ маленькій женскій скитъ, расположенный въ 3-хъ верстахъ отъ станціи Лобни¹⁾. Здѣсь сначала былъ одинъ убогій домикъ—сторожка, а теперь, чрезъ три года послѣ постройки церкви—школы, уже ютится около храма до тридцати сестеръ—насельницъ новоустроенной обители, процвѣтающей при заботахъ игуменіи Московскаго Никитскаго монастыря Паисіи. Намъ пришлось быть въ этой обители въ знаменательный день кончины преподобнаго Серафима, предавшаго блаженный духъ свой Богу 2 января 1833 года.

Случайный богомолецъ невольно увидитъ въ этомъ тихомъ уголкѣ незриму „Святую Русь“. Даже внѣшнее положеніе Серафимовскаго Никитскаго иноческаго хутора напоминаетъ извѣстную картину Нестерева. Здѣсь уютный храмъ, скромныя кельи

¹⁾ Савеловской желѣзной дороги.

сестеръ, церковная школа. И все это родила неумирающая любовь преподобнаго Серафима, все это собрано около камня, на которомъ молился Преподобный.

Въ недавнемъ празднествѣ 2-го января намъ какъ-то особенно вспомнился здѣсь преподобный, приглашавшій всѣхъ ровно 75 лѣтъ назадъ, къ своей чудодѣйственной могилкѣ.

Долгое всенощное бдѣніе и на самый день праздника поздняя литургія, торжественно совершенныя тремя архимандритами¹⁾ ректорами московской семинаріи архимандритомъ Θεодоромъ, кievскимъ арх. Амвросіемъ, синодальнымъ ризничимъ арх. Гаврииломъ—все это было какъ-бы отголоскомъ того призыва, который слышался изъ устъ самого Преподобнаго.

Благовѣсть колокола, разносившійся по занесенному снѣгомъ перелѣску и полянамъ, сонмъ трудницъ—инокинь, толпы богомольцевъ, съ какимъ-то особымъ умиленіемъ выстаивавшихъ до самаго конца и всенощную и литургію, дѣти—ученики, которыхъ такъ любить, и особенно за прислуживаніе въ храмъ, настоятельница Никитскаго монастыря—все это говорило, что пламень вѣры преподобнаго Серафима незамѣтной струей переливается въ сознаніе народа. И эта струя особено ошутима въ тихихъ уголкахъ родной земли. Такимъ то уголкомъ и является, между прочимъ, Серафимовскій хуторъ Никитскаго монастыря. Недолго существуетъ здѣсь храмъ. Всего съ 1904 г., а въ немъ уже молитвенно преклоняль свою выю не одинъ святитель... Необъятно широка, видно, могила Преподобнаго... Вездѣ онъ слышитъ и вездѣ откликается... Стало-быть, еще цѣла „Святая Русь“...

Д. Введенскій.

Англійскій корреспондентъ о русской церкви.

Находимъ своевременнымъ обратить вниманіе читателей на мнѣніе о нашей церкви англичанина—извѣстнаго корреспондента газеты „*Dairy Telegraph*“, изложенное въ прошломъ ноябрѣ въ англійскомъ ежемѣсячникѣ „*The Contemporary Review*“.

Мы русскіе не избалованы ни количествомъ ни качествомъ отзывовъ иностранцевъ о нашей Церкви. Это происходитъ оттого, что нашу Церковь почти не знаютъ на Западѣ и она является

предметомъ очень труднымъ для обсужденія. За него рѣшаются братья только дѣйствительные знатоки русской жизни, каковы напр. Леруа Болье во Франціи и сэръ Мекензи Уоллесъ, редакторъ *Times*'а, въ Англии. Послѣдній еще годъ тому назадъ не могъ разобратъ въ вопросѣ о той роли, которую можетъ играть духовенство въ такъ называемомъ освободительномъ движеніи, при чемъ симпатіи его стали на сторонѣ чернаго молодого духовенства. А надъ бѣлымъ русскимъ духовенствомъ сэръ Мекензи Уоллесъ поставилъ крестъ. Въ своемъ двухтомномъ сочиненіи *Russia* (изд. 1906 г.), говоря о духовенствѣ, онъ только и успѣлъ сказать о расположенности представителей духовнаго званія къ спиртнымъ напиткамъ. Но развѣ это характерный признакъ? Англійскій юморъ завлекъ автора нѣсколько далеко.

Теперь наступилъ чередъ для другого англійскаго журналиста—г. Диллона—выступить со своимъ мнѣніемъ о русской Церкви и духовенствѣ. Мнѣніе г. Диллона достойно нашего вниманія, хотя нѣсколько ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ учился въ Харьковскомъ университетѣ: онъ черезчуръ нашъ, а не чужой, въ виду чего въ его взглядахъ на наши дѣла можетъ не доставать оригинальности. Онъ состоитъ подъ сильнымъ вліяніемъ личности гр. Витте. По мѣстамъ его сужденія односторонни. Многого въ православіи онъ не въ состояніи понять, трактуя о немъ съ своей конфессіональной точки зрѣнія. Особенно мраченъ его взглядъ на наше духовенство, изъ среды котораго онъ выдѣляетъ только „ревностнаго и благочестиваго пастыря“ о. Іоанна Кронштадтскаго. Тѣмъ не менѣе намъ небезынтересно знать, какъ въ сознаніи англичанина, долго жившаго въ Россіи, отражается современное состояніе русскаго православія и потому мы помѣщаемъ здѣсь извлеченія изъ его статьи, предоставляя самимъ читателямъ произвести ей оцѣнку.

Православное духовенство.

Съ десятаго по двадцатое столѣтіе Русская церковь влачила свое существованіе безъ реформы, прогресса или религіознаго пробужденія. Много бывало споровъ и немало раздѣленій, изъ коихъ нѣкоторыя оканчивались расколомъ и ересью съ одной стороны, и страстнымъ преслѣдованіемъ съ другой. Но предметы спора обычно бывали ничтожными. Такъ, напр., нужно-ли писать имя Основателя христіанства „Іеусъ“ или „Іисусъ“, слѣдуетъ-ли креститься двумя перстами, или тремя, двоить или троить аллилуіа. Никонъ,

знаменитый патріархъ московскій, который при большемъ тактѣ и самообладаніи могъ бы стать (при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ) русскимъ Григоріемъ VII-мъ, ввести великую реформу, возрожденіе или какую-либо другую новость подобнаго рода, вмѣсто этого тратилъ время на борьбу съ дѣтскими вещами. Онъ щедро былъ порицаемъ за свои ошибки, беспощадно наказанъ за свои добродѣтели и окончилъ дни въ мрачной башнѣ унылаго монастыря. Съ Никономъ были погребены на цѣлыя столѣтія надежды церкви на выполненіе ея миссіи.

Многіе, обнаруживающіе просвѣщенный интересъ къ церковнымъ вопросамъ, воображаютъ что реформы Петра Великаго были такъ же благотѣльны для церкви, какъ и для различныхъ департаментовъ гражданскаго управленія. Но это ошибка. Исправительныя мѣры Петра имѣли настолько же слабое дѣйствіе на нравы духовенства, насколько пушистое перышко кенарейки можетъ имѣть на кожу носорога. „Нравы духовенства“, пишетъ одинъ откровенный историкъ, „нисколько не [улучшились и не реформировались государственнымъ законодательствомъ 18-го столѣтія... наоборотъ“... (Щаповъ, стр. 426, 427). Но русское духовенство не столько грѣшитъ само, сколько является корпораціей людей, противъ которой погрѣшаютъ другіе. Хотя оно лишено свѣта, его возвышаютъ какъ свѣтъ міра; хотя оно бѣдно какъ евангельскій Лазарь и нерѣдко отягощается большими семьями, однако должно подавать милостыню бѣднымъ, коихъ оно всегда имѣетъ съ собою, и также должно говорить горькія истины богатымъ, крохами стола коихъ оно нерѣдко поддерживаетъ свое существованіе. Окружающая его матеріальная обстановка безотрадны, и самый бѣдный клерджиманъ въ сравненіи съ деревенскимъ православнымъ попомъ является сибаритомъ. Многіе изъ духовенства прибѣгаютъ къ ручному труду, другіе занимаются ростовщичествомъ, (?) но все безъ исключенія должны заслужить уваженіе своихъ сослуживцевъ. Хотя они невѣжественны и суевѣрны (!), на нихъ возлагаютъ долгъ наблюдать за воспитаніемъ дѣтей другихъ родителей, когда ихъ собственныя дѣти дичають. Словомъ, на нихъ фыркають, „интеллигенты“, ихъ тайно поносятъ скрытые враги, избираютъ секретари консисторіи (!), подкупаютъ сектанты, спаиваютъ черезчуръ услужливые друзья и бранятъ все за то, что они недостойны своего призванія.

Многіе изъ русскихъ священниковъ живо чувствуютъ лживость своего положенія и безнадежность своихъ попытокъ вы-

путаться изъ него. Многіе изъ нихъ революціонеры въ душѣ. У нихъ нѣтъ нравственной крѣпости держаться противъ сильнаго теченія. Ихъ порицать легко, но уличить трудно. Вѣроятно, что люди, которые при тѣхъ же условіяхъ съ тѣми же традиціями и наклонностями могли бы дать доказательство большей стойкости, еще не находятся въ православной Россіи.

Соборъ русской церкви.

Главное дѣло въ томъ, что теченіе въ пользу церковной реформы существуетъ. Въ настоящее время прилагаются всѣ старанія къ тому, чтобы уврачевать вѣковыя злоупотребленія, собрать въедино тлѣющіе угли православнаго христіанства и раздуть ихъ въ пламя, достаточно сильное для того, чтобы внѣдрить въ религіозное чувство сѣмена добра, идею Бога, закона и любви къ прекрасному, еще теплеющуюся, какъ дремлющая сила, въ русскомъ человѣкѣ. Но когда эти огромныя перемѣны произойдутъ и путемъ кого или чего?

Соборъ всей религіозной общины есть попытка освѣжить и усладить воды резервуара, называемаго православною русскою Церковью. Созывъ церковнаго собранія есть нововведеніе въ русскомъ царствѣ, подобное Госуд. Думѣ и задача, предлежащая членамъ собора, даже еще болѣе трудна, потому что еще нужно разыскать необходимую для нихъ опору. Первымъ условіемъ успѣха и совмѣстности дѣйствія является сознаніе належащей нужды въ реформѣ и также согласіе относительно основъ, на которыхъ можно созидать. Далеко еще не очевидно, что духовенство можетъ выполнить новыя требованія и въ теченіе немногихъ недѣль прорваться отъ вѣковой спячки. Среди свѣтскихъ можетъ появиться реформаторъ. Но и таковыя окажутся слишкомъ немногими для того, чтобы заквасить все тѣсто. И все таки жажда религіозной истины въ Россіи сильна и широко распространена. Хотя, къ сожалѣнію, тѣ, которые чувствуютъ эту жажду, не заявляютъ объ этомъ достаточно опредѣленно. Я почти увѣренъ, что съ помощью самоотверженныхъ религіозныхъ людей, горящихъ духомъ апостольства, національный русскій характеръ могъ бы трансформироваться и благородиться безмѣрно.

„Свобода, равенство и братство“ для собора.

Церковный соборъ соберется въ Москвѣ во время, которое еще не опредѣлено. Четырнадцать пунктовъ, утвержденныхъ Го-

сударемъ, устанавливають рамки собора, опредѣляютъ составъ и регулируютъ избраніе членовъ. (*Слѣдуетъ изложить этихъ пунктовъ, извѣстныхъ русскому читателю*).

Нѣкоторые либеральные критики, которые являются также ревностными политиками и были бы рады видѣть представительныя учрежденія процвѣтающими во всѣхъ отрасляхъ общественной службы,—религіозной, военной и политической,—безусловно осуждаютъ различіе между іерархіей и мірянами. Не должно быть, говорятъ они, никакихъ преимуществъ для епископовъ, но должны быть равныя права для всѣхъ членовъ собора. Откровенный возвратъ къ системѣ древняго христіанскаго собора—вотъ чего они добиваются во имя религіознаго равенства.

Веря это требованіе какъ абстрактное положеніе, многое можно сказать въ пользу его, и популярность—по крайней мѣрѣ въ Англіи и Америкѣ—цервей, догматическое ученіе коихъ формуется и администрація коихъ избирается цѣлой конгрегаціей, будетъ считаться неоспоримымъ доказательствомъ для подтвержденія того же требованія. Но все это не относится къ вопросу, который здѣсь обсуждается. Методы первенствующей церкви нельзя возродить въ православной общинѣ современной Россіи, развѣ только въ этихъ методахъ окажется что-либо болѣе пригодное чѣмъ ихъ почтенный возрастъ. Къ тому же въ настоящее время нельзя ввести никакихъ такихъ новшествъ, которыя не привели бы къ необходимости производить цѣлый рядъ другихъ и очень важныхъ измѣненій въ жизни Русской церкви, которыя не улучшатъ православія. Русскимъ зилотамъ не худо бы помнить, что никакая реформа не можетъ быть всецѣлой и окончательной съ самаго начала. Московская церковь, потерявъ соприкосновеніе съ движеніями въ богословской и научной сферахъ, должна прежде всего приспособиться къ современной обстановкѣ, не обращая вниманія ни на какія политическія партіи и предвыборные крики. А это требуетъ времени, заботливыхъ усилій и сосредоточенности.

Изъ примѣровъ древнихъ Вселенскихъ соборовъ, по моему мнѣнію, можно выводить очень многое. Въ сущности эти соборы были собраніями римскаго епископата (?), созывавшимися императоромъ и происходившими подъ его предсѣдательствомъ для установки и рѣшенія вопросовъ, касающихся догматическаго ученія. Идея представительства никогда не летѣялась и не исповѣдывалась. Епископы на соборахъ дѣйствовали какъ епископы, а не какъ представители церкви. Позднѣе единство римской имперіи

было упразднено, и эти всеобщія собранія стали невозможны. Въ древнихъ синодахъ епископы, пресвитеры, діаконы и міряне несомнѣнно всѣ принимали участіе, но со времени Никейскаго собора (въ 325 году) епископы одни имѣютъ всегда рѣшающій голосъ во всѣхъ обсуждаемыхъ вопросахъ. Эти факты вѣроятно имѣлись въ виду людьми, которые составляли схему предстоящаго собора русской православной церкви, и поэтому не должны упускаться изъ виду и тѣми, которые обязаны задаваться вопросомъ о мудрости этого проекта.

Никто не можетъ провидѣть того, что сдѣлаетъ соборъ или того, насколько успѣшно онъ разберется въ политико-религіозной путаницѣ. Одни окрылены надеждами, другіе—чувствуютъ тревогу. Если постороннему наблюдателю позволительно высказать свой взглядъ, то я сказалъ бы, что одной изъ первыхъ заботъ для первосвятителей православной церкви должна быть школа. Въ настоящее время духовная школа — отравленный колодезь. Проф. С.-Петербургской Духовной Академіи Глубоковскій положительно утверждаетъ и ясно доказываетъ, что въ настоящее время тамъ нѣтъ никакого ученія, никакого повиновенія, никакого порядка и преобладающіе тамъ нравы отвратительны.

Человѣкъ болѣе великій чѣмъ онъ — покойный Побѣдоносцевъ не задолго до своей кончины сказалъ, что „церковная школа обратилась въ кабакъ“. Пока это учрежденіе остается неизмѣннымъ, одинъ барьеръ на пути къ реформѣ православія остается непреходимымъ.

Е. І. Диллонъ. (Перевелъ Діаконъ Императорской Лондонской пос. церкви *Николай Преображенскій*).

Религіозные вопросы и темы въ произведеніяхъ Леониды Андреева¹⁾.

„Савва“²⁾ представляетъ собою борьбу христіанства съ богоборческимъ анархизмомъ, причѣмъ симпатіи автора явно на сторонѣ послѣдняго. Христіанство выведено здѣсь съ нѣкоторыми своими учрежденіями и въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ—но только, очевидно, для того, чтобы подвергнуть ихъ осмѣянію и оплеванію. Вотъ краткое содержаніе пьесы.

¹⁾ Продолженіе. См. 52 № „Моск. Епарх. Вѣд.“.

²⁾ Сборники товарищ. „Знаніе“ книга 11-я.

Въ посадѣ, окружающемъ старинный монастырь съ мощами и чудотворною иконою Спасителя, содержитъ трактиръ Егоръ Тропининъ, человѣкъ, по внѣшности, набожный, но въ дѣйствительности, единственно цѣлью жизни, считающій одну только наживу и притомъ человѣкъ жестокой и самодуръ. Жену онъ вогналъ въ гробъ; съ грубымъ самодурствомъ относится онъ и къ своей невѣсткѣ Пелагеѣ. У него трое взрослыхъ уже дѣтей. Старшій Антонъ или Тюха, очевидно забитый и напуганный въ дѣтствѣ—полуидиотъ и пьяница: ему вмѣсто человѣческихъ лицъ мерещатся лишь рожи и притомъ такія смѣшныя, что онъ страшно боится умереть отъ смѣха, хотя на самомъ дѣлѣ всегда угрюмъ и никогда не смѣется.—„Я постоянно смѣюсь, только вы этого не видите“—говоритъ онъ. Кромѣ того, подъ вліяніемъ своего закадычнаго друга, исключеннаго семинариста Сперанскаго, онъ сомнѣвается въ существованіи всего и своемъ собственномъ. Несмотря на все это, Тюха женатъ; жена его Пелагея женщина еще молодая, но замученная постоянною работою и, вдобавокъ, беременная и потому озлобленная.

Кромѣ Антона, у Тропинина есть еще дочь Липа и сынъ Савва. Липа—двадцативосьмилѣтняя дѣвушка, богомольная и мечтательная и даже восторженная, ничѣмъ, кромѣ чтенія не занимающаяся и скучающая. Временами на нее нападаютъ порывы безграничной любви къ человѣчеству и сочувствіе его страданіямъ, сочувствіе, доходящее даже до желанія страдать за него, но Липа—натура вялая и недѣятельная: ея сочувствіе къ страдающимъ выражается лишь въ мысляхъ и словахъ, а въ жизни она не можетъ даже догадаться заняться отъ скуки какимъ-нибудь домашнимъ дѣломъ и хоть сколько-нибудь облегчить, изнемогающую отъ постоянной и непосильной работы, беременную Пелагею. За то мечтать и разсуждать она очень любитъ.

Другой сынъ Тропинина Савва, главное дѣйствующее лицо піесы, выводится авторомъ не сразу, и, въ ожиданіи его, познакомимся пока съ остальными дѣйствующими лицами піесы.

У Тюхи есть неразлучный другъ и руководитель—исключенный семинаристъ Сперанскій, живущій у дяди—посадскаго дьякона. Это—крайне оригинальная личность. Онъ не только сомнѣвается въ существованіи міра, людей и своемъ собственномъ—ему все кажется, что онъ все во снѣ и ему все хочется проснуться, но онъ еще жаждетъ смерти и грезитъ ею. Его и изъ семинаріи выгнали за неоднократныя попытки повѣситься: „ступай, говорятъ,

безумный, вѣшаться въ другое мѣсто“. Онъ постоянно около покойниковъ и о нихъ только говорить и думать, что только они только и существуютъ и одни только знаютъ правду. Всѣ его сторонятся, и даже собаки, по увѣренію послушника Васи, на него не лаютъ. „Онъ носомъ мертвечину чувствуетъ. Какъ похороны, то онъ ужъ тутъ какъ тутъ“. Еще въ семинаріи сочинилъ онъ рассказъ „Шаги смерти“, а здѣсь пѣсню, которую, по просьбѣ Тюхи, и поетъ протяжнымъ и заунывнымъ, похожимъ на церковный, напѣвомъ:

„Все въ жизни невѣрно, и смерть лишь одна—
вѣрна, неизмѣнно вѣрна.

Все канетъ, минуетъ, забудетъ, пройдетъ—
она не минуетъ—найдетъ.

Покинутыхъ, скорбныхъ, послѣднихъ изъ насъ,—
до мошки, незримой для глазъ.

Прижметъ, приголубитъ и тяжкій свой брачный надѣнетъ
вѣнецъ и—жизненной сказкѣ конецъ“.

Несмотря на такое крайне пессимистическое настроеніе, у Сперанскаго отличный аппетитъ, а дьяконица попрекаетъ его каждымъ кускомъ. „Не понимаетъ того необразованная женщина, что въ дѣйствительности куска этого, весьма возможно, совсѣмъ не существуетъ“. По той же необразованности, она заставляетъ Сперанскаго и работать, хотя, по его мнѣнію, „разъ человѣкъ сомнѣвается въ собственномъ своемъ существованіи, такъ для него никакія занятія необязательны“.

Монастырь тоже представленъ въ рассказѣ—въ лицѣ нѣсколькихъ, завѣдомо негодныхъ и дурныхъ монаховъ, изъ которыхъ наибольшее вниманіе удѣлено послушнику пьяницѣ Кондратию. Это—сорокалѣтній, невзрачный крестьянинъ, за пьянство и „невоздержный образъ поведенія“ выгнанный изъ волостныхъ писарей. Ему и въ монастырѣ по цѣлымъ недѣлямъ приходится сидѣть на хлѣбѣ и водѣ. Отъ постоянного пьянства Кондратию начинаетъ казаться, что въ монастырѣ по ночамъ ходитъ дьяволъ, и онъ боится ходить по ночамъ по монастырскому корридору, такъ какъ собственную тѣнь принимаетъ за дьявола.—„Вдругъ прощмыгнетъ кто-то, и за-уголь, а на стѣнкѣ вдругъ тѣнь. Ничего нѣтъ, а на стѣнкѣ тѣнь... и даже рога отпечатываются весьма явственно“. И даже образъ у насъ—жалуется онъ Саввѣ—силы не имѣетъ, сколько мы ни молимся, чтобы силу нечистую ото-

гнало. Кондратій передаетъ даже, хотя и подъ большимъ сомнѣніемъ, дикій и кошунственный слухъ, „будто дьяволъ настоящій образъ, который есть дѣйствительно чудотворный, давно уже укралъ, а на мѣсто его свой портретъ повѣсилъ“.—Затаенная мечта Кондратія—уйти изъ монастыря, жениться и открыть трактиръ при дорогѣ.

Очевидно, въ противоположность этимъ мрачнымъ, уродливымъ людямъ, авторъ выводитъ еще молодого послушника Васю. Это въ высшей степени жизнерадостный, до безумія влюбленный въ природу юноша. У него одна мечта и одна радость: убѣжать въ лѣсъ, тамъ аукаться, сбивать палкою съ деревьевъ сухія вѣтки, да ловить свѣтляковъ, чтобы ими монаховъ пугать. Монастырь и служба его не интересуютъ совсѣмъ: онъ убѣгаетъ въ лѣсъ, даже во время всеобщей, наканунѣ монастырскаго праздника.

Наконецъ, видное мѣсто въ пьесѣ занимаетъ странникъ Еремѣй, прозванный Царемъ Иродомъ. Это—высокій, сильный старикъ съ одною только лѣвою рукою; носить на себѣ полторапудовыя вериги. Когда-то онъ убилъ нечаянно сына (за это и прозванъ Царемъ Иродомъ) и съ тѣхъ поръ бродить, не имѣя, какъ самъ онъ говоритъ, покоя; даже сидѣть не можетъ. Руку, которою онъ убилъ сына, онъ отжегъ себѣ въ печи по локоть. Онъ до такой степени любитъ разговаривать о своемъ горѣ, что даже кичится имъ до самообожанія.—„Душа у меня мрачна—разсказываетъ онъ—и никто этого понять не можетъ... Велико мое горе, больше его на землѣ нѣту... моего горя и смерть не возьметъ. Что смерть! Она маленькая, а горе мое большое, не кончитъ она моего горя... Для меня и солнце не восходитъ... Вотъ горе мое какое—на землѣ такого не бываетъ, а призови меня Богъ и скажи: „На тебѣ, Еремѣй, всѣ царства земныя, а горе твое отдай Мнѣ...—не отдамъ... Слаще мнѣ оно меду липоваго, крѣпче оно браги хмельной... Правду я узналъ чрезъ мое горе... Христа. Онъ только одинъ понять можетъ, какое у меня горе... А помирать буду—передамъ Ему тоску мою. Владай, Господи!“—На самомъ дѣлѣ это—холодный эгоистъ, влюбленный въ свою тоску и ставящій ее выше всего на свѣтѣ, а самого себя даже наравнѣ съ Богомъ.—„Такъ мы съ Нимъ вдвоемъ и живемъ: Онъ да я...—Понимаешь, Господи страданіе мое?—Понимаю, Еремѣй. Я, братъ все понимаю, иди себѣ спокойно“... Одинъ изъ его собесѣдниковъ справедливо говоритъ о немъ, что если бы сынъ его воскресъ, онъ его опять убилъ бы, „пяти минутъ сроку не далъ бы“. Да едва ли

на самомъ дѣлѣ онъ и сильно страдаетъ. Истинное горе такимъ чрезмѣрно болтливымъ и хвастливымъ не бываетъ.

Къ монахамъ Царь Иродъ относится съ самою яростною, нескрываемою враждою и честить ихъ всячески. Онъ даже говоритъ о нихъ, что „кабы Христосъ не безсмертенъ, былъ, такъ они бы Его по кусочкамъ распродали“. Тѣмъ не менѣе монахи относятся къ нему благодушно и терпѣливо переносятъ все его оскорбленія, потому что онъ человѣкъ для монастыря полезный: народъ привлекаетъ. И ко всемъ вообще людямъ онъ относится съ ненавистью и презрѣніемъ.

Въ эту-то среду „христіанъ“, послѣ десятилѣтняго отсутствія, является, незадолго до монастырскаго праздника, второй сынъ Тропинина Савва. Гдѣ онъ былъ,—остается неизвѣстнымъ; изъ разсужденій самого Саввы видно, что былъ онъ въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ и за границей. Ему 24 года; по виду онъ похожъ на рабочаго. Ведетъ себя дома онъ очень странно: ни съ кѣмъ не говоритъ, даже съ семейными, цѣлый день играетъ съ ребятишками въ бабки, и только ихъ однихъ считаетъ „умнымъ народомъ“, а при выигрышѣ радуется и хвалится. Отцу и пріѣздъ его и поведеніе сильно не нравятся; онъ даже не прочь бы и прогнать его, да боится. Савва, въ свою очередь, относится къ отцу крайне непочтительно и съ явной насмѣшкой. Свое міросозерцаніе и планы онъ открываетъ только Липѣ. Липа, изнывающая отъ скуки и одиночества, умоляетъ Савву подѣлиться съ нею мыслями и рассказать ей, зачѣмъ онъ вернулся, что видѣлъ, и какъ живутъ люди въ другихъ мѣстахъ и, между прочимъ, за границей. Савва презрительно отвѣчаетъ, что люди вездѣ дрянъ и живутъ все, даже за границей, одинаково глупо и безтолково. Предупредивъ Липу о молчаніи, Савва продолжаетъ, что въ послѣднее время онъ, пожалуй, и видѣлъ людей—если и не совсемъ хорошихъ, то всетаки ничего себѣ, которые стараются брать жизнь не готовую, а стараются дѣлать ее по своей мѣркѣ. Это люди, которые „бомбочки дѣлаютъ—бомбочки, понимаешь?—Ну, и если кто-нибудь мѣшаетъ жить, такъ они его того, убиваютъ. Называются они террористами. Но это не совсемъ вѣрно—пренебрежительно успокоиваетъ Савва испуганную Липу—какіе они террористы!.. Они вовсе не такіе страшные. Скорѣе они даже смиренный народъ, разсудительный. Долго собираются, разсуждаютъ, а потомъ—бацъ!—глядь, какого-нибудь воробья и прикончили. А чрезъ минуту, глядь, на этой вѣткѣ другой воробей скачетъ...

Люди они храбрые, это вѣрно, но храбрость у нихъ больше не въ головѣ, а въ рукахъ. А голова у нихъ старая, съ перегородочками, и все они опасаются, какъ бы не сдѣлать чего лишняго, какъ бы не повредить... Пустое получается занятіе. Предложили я имъ какъ-то одно дѣльце пообширнѣе, да они того, испугались. Слабоваты. Ну, я и ушелъ отъ нихъ: пусть себѣ упражняются въ добродѣтели. Узкій народъ: широты взгляда у нихъ нѣтъ... Одному я у нихъ научился: уваженію къ динамиту. Сильная вещь, съ большою способностью убѣждать... Замыслы и планы Саввы несравненно обширнѣе.—Я рѣшилъ—разъясняетъ онъ перепуганной Липѣ—уничтожить все... все старое. Человѣкъ останется—разъясняетъ онъ недоумѣніе Липы—„ему мѣшаетъ глупость, которой за эти тысячи лѣтъ накопилась цѣлая гора... Нужно скрыть ее до основанія, до голой земли... Нужно уничтожить все: старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство... Нужно, чтобы теперешній человѣкъ голый остался на голой землѣ. Тогда онъ устроить новую жизнь. Нужно оголить землю, содрать съ нея эти мерзкія лохмотья! Достояна она царской мантии, а одѣли ее въ рубище, въ арестанскій халатъ. Городовъ настроили—идіоты!“

— „Но кто же это сдѣлаетъ, все уничтожить?“—спрашиваетъ Липа.

— „Я—хвастливо отвѣчаетъ Савва.—Ну да, я. Начну я, а потомъ, когда люди поймутъ, въ чемъ дѣло, то присоединятся другіе. *Я принесъ на землю мечъ и скоро все услышатъ его звонъ.* Глухіе и тѣ слышать. Не имѣющіе ушей, чтобы слышать, и тѣ слышать.

— Это ужасно! Сколько крови—содрогаются Липа.

— Да, многовато—отвѣчаетъ Савва—но если бы былъ ея цѣлый океанъ—все равно черезъ это надо перешагнуть. Когда дѣло идетъ о существованіи человѣка, тутъ уже не приходится жалѣть объ отдѣльныхъ экземплярахъ... Огнемъ надо, огнемъ! *Пусть надолго запомнятъ день, когда пришелъ на землю Савва Тропининъ. Я хочу освободить землю, освободить мысль. Освободить человѣка и уничтожить всю эту двуногую болтающую тварь.* Онъ, теперешній, умный, онъ даже готовъ для свободы, но прошлое бѣтъ его душу, какъ короста, замыкаетъ его жизнь въ желѣзный кругъ совершившихся фактовъ. Факты я хочу уничтожить, факты! Сломать тюрьму, въ которую запрятаны идеи, и дать имъ крылья, и открыть имъ новый, великій невѣдомый просторъ. *Въ огонь и*

громъ перейти хочу я міровую грань... Я только посланный, посланый меня (пригибается, какъ подъ страшною тяжестью)—безсмертенъ. И не я, такъ другой, а вашему міру придется худо. Сочтены дни его, и часы его измѣрены...

Я мститель—резонируетъ Савва предъ тою же своею единственною слушательницею Липой въ другомъ актѣ.—За моею спиною все, удушенное вами. Ага! Блудили себѣ потихоньку и думали: никто не узнаетъ, ничего, обойдется понемногу. Лгали, безстыдствовали, кривлялись передъ своими алтариками и безильнымъ Богомъ и думали: ничего, бояться некого, мы здѣсь одни. *А вотъ пришелъ человѣкъ и говоритъ: отчетъ!* Что сдѣлали, ну-ка? Отчетъ давайте, ну?—да безъ мошенничества, я васъ знаю! *За каждаго потребую. Ни одной кровинки не прощу!.. Ни одной слезы вамъ не оставлю... Пусть надолго запомнятъ день, когда пришелъ на землю Савва Тропининъ. Меня многіе боятса*“.

Свое разрушеніе всего существующаго, Савва хочетъ начать съ самаго важнаго и дорогого для человѣка—съ религіи. Онъ объявляетъ перепуганной Липѣ, что главный его врагъ—Богъ.—„Ну, Тотъ, Кого вы называете своимъ Спасителемъ“.—И вотъ Савва объявляетъ войну Самому Богу. Онъ и домой пришелъ только затѣмъ, чтобы взорвать чудотворную икону Спасителя и сдѣлать это притомъ, во время приближающагося монастырскаго праздника, чтобы подорвать вѣру богомольцевъ и нанести тѣмъ, какъ онъ думаетъ, страшный ударъ религіи.—„Новую икону сдѣлаютъ“—возражаетъ ему Кондратій.—„Ну, да ужъ не та будетъ—отвѣчаетъ Савва.—Да и не забудутъ ужъ они, что динамитъ сильнѣе ихняго Бога! А человѣкъ—сильнѣе динамита. Вотъ они кланяются, вотъ они молятся, вотъ они прямо взглянуть не смѣютъ, холопы поганые, а пришелъ настоящій человѣкъ и разрушилъ. Готово... И когда будетъ разрушенъ такъ десятокъ ихъ идоловъ, они почувствуютъ, холопы, что кончилось царство ихняго Бога и наступило царство человѣка. И сколько ихъ подохнетъ отъ ужаса одного, съ ума будутъ сходить, въ огонь будутъ бросаться. Антихристъ, скажутъ, пришелъ“...

И долго, въ этомъ родѣ, распространяется Савва предъ Липою и Кондратіемъ, но самъ привести въ исполненіе свой замыселъ почему-то не рѣшается, а подбиваетъ на это дѣло Кондратія, котораго, когда-то вытащилъ пьянаго изъ лужи (непремѣнно—изъ лужи!), воспользовавшись его нелѣпымъ сомнѣніемъ въ подлинности

иконы,—угощаетъ его водкой, даетъ ему денегъ и развиваетъ предъ нимъ свои планы.

— „Кто же вы такой, что никого не жалѣете?“—спрашиваетъ его Кондратій.

Савва. Я? Я, дядя, человѣкъ, который однажды родился. Родился и пошелъ смотрѣть. Увидѣлъ церкви и—каторгу. Увидѣлъ университеты и—дома терпимости. Увидѣлъ фабрики и—картинныя галереи. Увидѣлъ дворець и—нору въ навозѣ. Подсчиталъ такъ, понимаешь, сколько на одну галерею остроговъ приходится, и рѣшилъ: надо уничтожить все. И мы это сдѣлаемъ. Да, пора намъ посчитаться, пора!.. Послѣ Бога мы примемся за другихъ. Тамъ ихъ много: Тиціаны, Шекспиры, Пушкины, Толстые. Изъ всего этого мы сдѣлаемъ хорошенькій костерчикъ и польемъ его керосиномъ. Потомъ, дядя, мы сождемъ ихъ города... Дрянъ, дядя, пропадетъ... Пропадутъ тѣ, кто вѣритъ,—у нихъ отнимается вѣра... Пропадутъ слабые, больные, любящіе покой: покоя, дядя, не будетъ на землѣ! Останутся только свободные, смѣлые, съ молодою и жадною душою...

Тѣмъ не менѣе Кондратій всетаки колеблется. Тогда Савва угрожаетъ убить его, какъ и Липу, такъ какъ они много знаютъ. Кондратій, наконецъ, соглашается. Савва даетъ ему адскую машину, съ тѣмъ чтобы наканунѣ праздника, который долженъ быть на дняхъ, поставить ее подъ иконой и завести. Въ полночь долженъ послѣдовать взрывъ.

Липа между тѣмъ зорко слѣдитъ за Саввой и обо всѣмъ догадывается; наконецъ, допрашиваетъ Кондратія,—тотъ признается во всемъ. Онъ хочетъ даже сказать обо всемъ игумену, но Липа запрещаетъ ему это и требуетъ только, чтобы взрыва не было и чтобы машину на другой день онъ отдалъ назадъ Саввѣ. Успокоенная, она въ ночь, наканунѣ праздника, когда въ комнатѣ ясно слышны шаги богомольцевъ, идущихъ къ монастырю, объявляетъ Саввѣ, что она проникла въ его планы и что взрыва не будетъ, и сначала сурово, потомъ кротко старается убѣдить Савву въ безуміи его замысла. Савва въ бѣшенствѣ грозитъ убить ее.—„Не я, такъ другой—говоритъ онъ,—а вашему міру придется худо. Если же убьютъ меня, то бойся тѣхъ цвѣтовъ, что взойдутъ надъ моей могилой—невиданныхъ еще цвѣтовъ послѣдней мести!..“ Бьетъ полночь... вдругъ раздается глухой шумъ сильнаго взрыва... На улицѣ тревога, крики; народъ бѣжитъ къ монастырю; на монастырской колокольнѣ бьютъ въ набатъ. Липа въ смертельной

тоскѣ хотеть бѣжать къ монастырю; торжествующій Савва не пускаетъ ее; она проситъ его убить ее.—„Ага, зазвонили!—вопить Савва.—Звоните, звоните! Скоро зазвонитъ вся земля! Я слышу! Я слышу! Я вижу, какъ горять ваши города. Я вижу пламя! Я слышу трескъ! Я вижу, какъ валятся на голову дома! Бѣжать некуда! Спасенья нѣтъ! Огонь вездѣ! Горять церкви, горять фабрики—лопаются котлы. Конецъ рабьему труду!.. Настало время! Ты слышишь? Земля выбрасываетъ васъ. Нѣтъ вамъ мѣста на землѣ! Нѣтъ!—Онъ идетъ, свободный человѣкъ! Я вижу его! Онъ родился въ пламени! Онъ самъ—пламя и разрушеніе! Конецъ рабьей жизни!..“

Пьяный Тюха умоляетъ Савву перестать. Онъ боится расхотаться и умереть отъ смѣха.

Все объясняется на другой день. Оказывается, Кондратій рассказалъ всетаки обо всемъ игумену. Тотъ, посовѣтовавшись съ братіей, приказалъ Кондратію сдѣлать все, какъ сказалъ Савва: поставить машину подъ икону и завести ее. „Пусть—говорить—разсказываетъ Кондратій—дьявольскій помысль такъ весь и совершится, полностью. А мы съ братіей пойдемъ, да съ тихимъ пѣніемъ икону-то и вынесемъ. Вотъ дьяволъ въ дуракахъ и останется... Ну, и что тутъ дѣлалось, какъ мы ее выносили, ужъ этого я и разсказать вамъ не могу. Рыдаеть братія, пѣть никто не можетъ. Горять это свѣчечки... мало-мало. А ужъ какъ вынесли мы ее въ притворъ, да какъ подумали, да какъ вспомнили... кто на ея святомъ мѣстѣ... лежимъ ницъ округъ иконы, да горько—прегорько рыдаемъ—отъ жалости, отъ сокрушенія: Родной Ты нашъ, Сокровище ты Наше, смилосердуйся надъ нами, вернись на прежнее мѣсто... А какъ трабахнуло, какъ пошелъ по всей обители дымъ сѣрный, дышать невозможно. И тутъ многіе въ дыму ея увидѣли и отъ ужаса лишились чувствъ. Страшное дѣло! А ужъ какъ назадъ мы икону, понесли, да все безъ уговору „Христось воскресъ“ загѣли—такъ что это такое дѣло!..“

Игумень, повидимому, дѣйствуетъ здѣсь совершенноискренно, безъ всякой мысли объ обманѣ. Онъ не хотеть мѣшать адскому замыслу, чтобы показать, что Богъ сильнѣе дьявола. И все, даже послушникъ Вася, кромѣ лишь Саввы, смотря на происшедшее, какъ на дѣйствительное чудо. Кондратій является чистый, благообразный, сіяющій, разсказываетъ обо всемъ происшедшемъ громко, при народѣ; разсказывая, плачетъ отъ умиленія. Къ Саввѣ онъ относится теперь съ презрительною жалостью и швыряетъ ему

назадъ полученныя отъ него деньги; на злобныя насмѣшки Саввы отвѣчаетъ ему:

— „А вы думаете, какъ чудо бываетъ? Эхъ, вы! Вотъ вы тоже человекъ умный, а простой вещи сообразить не можете: вѣдь все вы сдѣлали, а? Все: и машинку мнѣ дали, и взрывъ былъ. Все. А икона-то цѣла! Цѣла, я говорю, икона-то? Вотъ вы черезъ это перескочите съ вашимъ умомъ-то!“

Монахи отъ радости, „какъ пьяные“, молятся предъ иконою, каются, общаются, что грѣшить больше не будутъ; пьющіе общаются больше не пить; одинъ хочетъ въ скитъ идти. Среди богомольцевъ неописуемое радостное возбужденіе. Всеобщее торжество и радость омрачаются только тѣмъ, что нѣсколько человекъ давятъ въ толпѣ, да убійствомъ толпою Саввы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ч а с ы.

Какъ много кругомъ насъ уроковъ, примѣровъ!
Взгляни на часы: въ направленьи одномъ
Три стрѣлки на нихъ, всѣ различныхъ размѣровъ
И скорости разной бѣгутъ подь стекломъ.

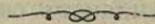
Смотри: какъ впередъ, все впередъ, торопливо
И бойко секундная стрѣлка бѣжитъ.
Такъ юноша гонится нетерпѣливо
За благами жизни,—торопится жить:

Ставь мужемъ, онъ горемъ, нуждой охлажденный,
Безъ прежнихъ порывовъ, иллюзій живеть...
И шагомъ размѣреннымъ, твердымъ, спокойнымъ
Впередъ, какъ минутная стрѣлка, идетъ

Вотъ сталь старикомъ онъ и, шагъ замедляя,
Едва ужъ бредеть онъ подь тяжестью лѣтъ,
И тихо, какъ стрѣлка идетъ часовая,
Приходить туда, гдѣ страданій ужъ нѣтъ...

Такъ разнымъ мы шагомъ впередъ неизмѣнно
Проходимъ путь жизни съ начала вѣковъ—
То юношей, мужемъ, то старцемъ согбеннымъ,
Подобно различнымъ тремъ стрѣлкамъ часовъ...

Гр. С—нъ

Моя молитва.

О, Боже, Боже! дай мнѣ силы
 За ближнихъ душу полагать
 И въ сердцѣ вѣчно до могилы
 Врагамъ обиды всеъ прощать!
 Не дай мнѣ съ ложью примириться
 Въ суровой, жизненной борьбѣ
 И научи меня молиться,
 Молиться пламенно Тебѣ!
 О, Господи! Пусть люди—братья
 Клеймятъ презрѣніемъ меня,
 Но я открою имъ объятъ,
 Забуду злобныя проклятыя,
 Христову заповѣдь храня...
 Пусть камни въ грудь мою кидаютъ,
 Не признавая чувствъ святыхъ,—
 Пусть ненавидятъ, проклинаютъ!—
 Я душу положу за нихъ!..
 О, дай мнѣ Самъ Твои завѣты
 Въ душѣ измученной хранить
 И помощи враговъ навѣты
 Съ терпѣньемъ, съ кротостью сносить!..
 Что наша жизнь съ ея кипѣньемъ
 Пустыхъ и мелочныхъ страстей
 Передъ Твоимъ, Христомъ, мученьемъ
 И смертью крестною Твоей?!...

Василій Ивановъ.

Молитва русскаго.

Тебѣ я, о Боже Всесильный, молюсь:—
 Спаси мою родину, мать мою Русь!..
 Дай силы и бодрость родному Царю,
 Чтобъ Онъ возвеличилъ Державу Свою
 И чтобы невзгоды родимой земли,
 Какъ тягостный сонъ, поскорѣ прошли!—
 Чтобъ козни всѣхъ явныхъ и тайныхъ враговъ
 Разбились, какъ цѣпи позорныхъ оковъ!—
 Чтобъ Русь моя снова въ величьи быломъ
 Для подвиговъ новыхъ воспряла съ Царемъ
 И чтобъ не стояло во вѣкъ никого
 Межъ сердцемъ народнымъ и сердцемъ Его!—
 Чтобъ крѣпокъ былъ силой незыблемыхъ узъ
 Царя и народа священный союзъ!—
 Чтобъ Вѣры Христовой живительный свѣтъ

Храниль мою Русь отъ страданій и бѣдъ
 Чтобъ, этою вѣрою согрѣтый народъ
 Съ Паремъ своимъ шель безъ смущенья впередъ!...
 За нашу родную страдалицу—Русь
 Тебѣ я, о Господи, вѣчно молпсь!

Василій Ивановъ.

Лѣтопись епархіальной жизни.

Некрологъ. Въ ночь на 17 число декабря 1907 года волею Божіею скончался на 73 году отъ рожденія благочинный 5-го округа Богородскаго уѣзда, священникъ села Карпова, Покровской церкви Михаилъ Георгіевичъ Розановъ, прослужившій въ санѣ священника на одномъ мѣстѣ ровно почти 50 лѣтъ. Покойный о. Михаилъ былъ опредѣленъ въ священника къ церкви села Карпова Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ въ 1857 году, о. Михаилъ еще въ молодыхъ годахъ энергично принялся за пастырское дѣло. Онъ принималъ горячее участіе въ постройкѣ въ селѣ Карповѣ новаго, каменнаго, теплаго храма. Въ 1886 году 9-го іюля Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій назначилъ о. Михаила благочиннымъ, въ должности котораго онъ состоялъ до самой смерти т. е. слишкомъ 21 годъ. Съ 1890 года о. Михаилъ до августа 1907 года былъ членомъ Богородскаго училищнаго Совѣта. Награды онъ имѣлъ включительно до наперстнаго креста, выдаваемого Св. Синодомъ а также орденъ Св. Анны 2 степени. Будучи всегда самъ аккуратнымъ и исполнительнымъ онъ требовалъ того же и отъ ввѣреннаго ему духовенства. Духовенство его благочинія готовилось, хотя и противъ его желанія, справлять пятидесятилѣтній юбилей его пастырскаго служенія и намѣревалось поднести ему Св. Икону, на что уже было получено разрѣшеніе Владыки Митрополита, но Богъ судилъ по сердцу покойнаго, бывшаго при жизни противъ празднованія его юбилея и онъ умеръ передъ нимъ, такъ что, какъ разъ наканунѣ его юбилейнаго дня, состоялось его погребеніе. Наканунѣ похоронѣ, 19 декабря въ храмѣ села Карпова, куда было вынесено изъ дома тѣло почившаго о. Михаила, была совершена восемью священниками, во главѣ съ племянникомъ покойнаго протоіереемъ И. В. Розановымъ, всенощная. 20-го декабря послѣ Божественной литургіи тѣмъ же о. протоіереемъ съ 10 прибывшими священниками и въ сослуженіи четырехъ діаконовъ было совершено отпѣваніе. Согласно волѣ покойнаго о. Михаила не было вѣнковъ на его гробѣ, ни несли предъ гробомъ никакихъ его наградъ и знаковъ отличій, а также не произносились надгробныя рѣчи, единственно только была сказана однимъ изъ служащихъ священниковъ проповѣдь за литургіей во время причастнаго стиха, о необходимости и важности молитвъ духовныхъ чадъ о своемъ умершемъ духовномъ отцѣ. Богослуженіе окончилось около двухъ часовъ, и по обнесеніи вокругъ храма тѣло новопреставленнаго іерея Михаила опущено было въ могилу

вблизи алтаря. Да упокоитъ Милосердый Господь его душу со всеми святыми и да сотворитъ ему вѣчную память.

Торжественныя Богослуженія. 24 декабря всенощную въ Каоедральномъ во Имя Христа Спасителя соборѣ совершалъ владыка митрополитъ Владиміръ съ 4 архимандритами и соборнымъ духовенствомъ. Соборъ былъ переполненъ массою молящихся.

25 декабря въ Каоедральномъ соборѣ литургію и молебенъ совершалъ владыка митрополитъ съ епископами Трифономъ и Серафимомъ, оо. архимандритами и прочимъ духовенствомъ. Въ соборѣ находились начальствующія лица и масса молящихся.

26 декабря владыка митрополитъ совершалъ литургію въ Каоедральномъ соборѣ. Послѣ литургіи былъ совершенъ крестный ходъ по корридорамъ собора.

30 декабря въ церкви Епархіального дома литургію и паннихиду по почившимъ членамъ Миссіонерскаго Общества совершалъ владыка митрополитъ съ епископами: Трифономъ и Анастасіемъ, оо. архимандритами: Ѳеодоромъ, Аристархомъ и Сильвестромъ, о. протоіереемъ І. І. Восторговымъ и прочимъ духовенствомъ, пѣлъ мѣстный хоръ.

Въ Каоедральномъ соборѣ 24-го декабря литургію совершалъ преосвященный епископъ Трифонъ съ архимандритомъ Иннокентіемъ и соборнымъ духовенствомъ.

Утреню въ день Рождества Христова въ Успенскомъ соборѣ совершалъ преосвященный епископъ Трифонъ, съ архимандритомъ Гавріиломъ, о. протопресвитеромъ и соборнымъ духовенствомъ, при громадномъ стеченіи молящихся.

Литургію 25 декабря въ Успенскомъ соборѣ совершалъ преосвященный епископъ Анастасій съ архимандритомъ Никодимомъ, о. протопресвитеромъ и прочимъ духовенствомъ.

Освященіе иконы. 27 декабря въ храмѣ св. Георгія, что въ Грузинахъ, было совершенно освященіе иконы св. Троицы, сооруженной однимъ изъ благодетелей въ память чудеснаго избавленія отъ опасности Государя Императора и Его Августѣйшей семьи, во время плаванія на яхтѣ „Штандартъ“. Икона помѣщена въ богатомъ рѣзномъ иконостасѣ за клиросомъ въ Христорождественскомъ придѣлѣ.

Освященіе иконы и литургію совершалъ преосвященный Серафимъ, епископъ Можайскій съ архимандритомъ Игнатіемъ, о протоіереемъ І. І. Восторговымъ и прочимъ духовенствомъ. Храмъ былъ переполненъ массою молящихся.

Освященіе храма. 27 декабря было совершенно освященіе храма въ честь св. Троицы и придѣла въ честь иконы Владимірскаго Божіей Матери при церкви св. Нимена, что въ Суцевѣ. Въ храмѣ И. А. Орловымъ сооруженъ новый роскошный иконостасъ о 3 ярусахъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора; солея также сдѣлана изъ мрамора; живопись на стѣнахъ храма вся реставрирована. Въ общемъ отдѣлка храма

обошлась болѣе 30000 рублей. Освященіе и литургію совершало мѣстное духовенство при большомъ стеченіи молящихся.

Изъ писемъ въ редакцію.

Въ 1906 году вышла изъ печати моя книга „Лѣтописныя замѣтки о храмѣ, приходѣ и причтѣ погоста Выдры, Серпуховскаго уѣзда“. Пятилѣтнее собраніе матеріала для книги, комбинированіе его и печатаніе въ результатѣ имѣло лестныя отзывы о книгѣ въ печати, напр.: (въ журналѣ „Вѣра и Церкви“ въ кн. 9-й за 1906 г.) „Книга, имѣющая 100 слишкомъ страницъ большаго формата, заслуживаетъ вниманіе какъ образецъ того, какъ могутъ писаться церковно-приходскія лѣтописи... на что составители этихъ лѣтописей должны обращать вниманіе при писаніи ихъ, какими источниками пользоваться и какъ вообще вести дѣло“. Если моя книга дѣйствительно можетъ внести хотя крупницу пользы въ домостроительство каждымъ пастыремъ своего церковнаго дѣла, то считаю долгомъ обратить на нее вниманіе своихъ собратій. Но, да не подумаетъ кто-либо изъ оо. іереевъ, что я преслѣдую этимъ своимъ предложеніемъ какія-нибудь эксплуататорскія цѣли. Нѣтъ, выше денегъ я поставляю дѣло и пользу дорогой мнѣ Христовой церкви. Хотя мнѣ отпечатаніе каждаго экземпляра книги и обходилось до 35 коп. (конечно пріятно было-бы вернуть затраченное), но я съ большою охотою для пользы дѣла всегда готовъ послужить тѣмъ, чѣмъ могу; я не прочь и даже радъ буду выслать свою книгу *безплатно* каждому желающему іерею, получивши отъ него адресъ и почтовыхъ марокъ на шесть копѣекъ для пересылки. Если-бы кому-либо изъ моихъ собратій, при составленіи имъ Лѣтописи по своему храму, и приходу встрѣтились какія-нибудь недоразумѣнія и затрудненія, то я готовъ такому помочь всеѣмъ тѣмъ, чѣмъ располагаю: и совѣтами, и указаніями, и трудомъ; съ каждымъ готовъ я вступитъ въ дѣловую переписку. Вообще совмѣстно съ собратіями я радъ потрудиться для блага Православной церкви, о чемъ и хотѣлъ чрезъ это письмо довести до свѣдѣнія своихъ сотоварищей на Христовой нивѣ.

П. Выдры священникъ *Н. Любимовъ*.

Почтовый адресъ: „Шебанцевское почт. отд. (Подольскаго уѣз.) священнику пог. Выдры Любимову“.

Объявленія.

 ВНИМАНІЮ ЛИЦЪ

СТРАДАЮЩИХЪ ГРЫЖЕЙ.

Требуйте бесплатно

иллюстрированный прейсъ-курантъ въ закрытыхъ письмахъ, знаменитыхъ вѣвскихъ грыжевыхъ бандажѣй безъ пружинъ, съ пневматическими пелотами и набрюшниковъ, одобренныхъ знаменитыми профессорами хирургіи. Самое усовершенствованное и практичное въ этой области. Требованія (можно по русски) просятъ адресовать:

В. К., почт. ящикъ, Вѣна, 2/2, 27.

В. К., Postfach, Wien, 2/2, 27.

Письма въ Австрію оплач.: открыт. 4 коп.,

закрыт. 10 коп. маркой.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

на большую политическую общественную финансово-экономическую и литератур. газету

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“

НЕЗАВИСИМЫЙ ОРГАНЪ ПЕЧАТИ УМѢРЕННО ПРОГРЕССИВ. НАПРАВЛЕНІЯ.

„Голосъ Москвы“ получаетъ по телеф. и телегр. отъ своихъ спеціальн. корреспондентовъ полные отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и всѣ свѣдѣнія о работахъ комиссін, состоящихъ при этихъ учрежденіяхъ, о жизни парламентскихъ фракцій, политическихъ клубовъ, собраній и т. д.

„Голосъ Москвы“ получаетъ по телеграфу отъ своихъ корреспондентовъ, находящихся во всѣхъ крупно населенныхъ мѣстностяхъ Россіи, самыя подробныя свѣдѣнія о ходѣ провинціальной жизни.

„Голосъ Москвы“ имѣетъ своихъ спеціальныхъ представителей для телеграфныхъ сообщеній: въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ, Бѣлградѣ, Софій, Константинополѣ, Прагѣ, Мадридѣ, Сеулѣ, Пекинѣ, Вашингтонѣ, Нью-Йоркѣ и Чикаго. Спеціальныя военныя корреспонденты въ Берлинѣ, Шанхаѣ и Токио.

ОСОБОЙ ЗАДАЧЕЙ РЕДАКЦІИ является широкая организація въ газетѣ финансово-экономическаго и торгово-промышленнаго отдѣловъ.

ВЪ ГАЗЕТѢ „Голосъ Москвы“ ПРИИМ. БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ: В. Авеѣенко, А. Арцишевскій, проф. Е. Берендсъ, А. Бобринцевъ-Пушкинъ, П. Брешко-Брешковскій, проф. Б. Варнеке, Н. Виноградовъ, кн. Н. Волконскій, М. Галкинъ, проф. В. Герье, прив.-доц. В. Грибовскій, проф. И. Громогласовъ, А. Н. Гучковъ, Н. Демчинскій, прот. Л. Доброправовъ, П. Каменскій, проф. М. Капустинъ, Г. Качаловъ, проф. гр. Л. Комаровскій, А. Кондратьевъ, проф. П. Кулешовъ, Б. Куманинъ, проф. А. Михайловъ, проф. Ю. Морозовъ, Н. Насакинъ-Симбирскій, М. Невѣжинъ, Д. Одинокій, А. Осиповъ, М. Петровъ, Ф. Плевако, А. Потемкинъ, Б. Поповъ, В. Преображенскій, В. Садовской, Ілья Сацъ, А. Тимофеевъ, гр. Л. Л. Толстой.

ГАЗЕТѢ ОБЪЩАЛИ СВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: Н. Авдаковъ, Афанасьевъ, проф. Е. Бергманъ, С. Богушевскій, Вальди, проф. А. Вульффертъ, проф. Н. Высокій, проф. Д. Головинъ, проф. Доримедонтовъ, К. Дагилевъ, А. Ермоловъ, А. Еропкинъ, проф. М. Красноженъ, проф. П. Кротовъ, Н. Кутлеръ, прив.-доц. К. Кузьминскій, проф. Ф. Латкинъ, проф. Ю. Легра, проф. К. Липсдеманъ, бар. Мейендорфъ, Ю. Милютинъ, Н. Петровская, Л. Половцевъ, А. Ремизовъ, проф. Б. Сергѣевичъ, проф. В. Судейкинъ, М. Сухотинъ, В. Татарниковъ, Тодоровъ-Петко, Н. Хомяковъ, П. Чистяковъ, проф. П. Цитовичъ, ак. И. Янжулъ и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою и пересылкою на годъ 9 р., на 6 мѣс. 4 р. 50 к., 3 мѣсяца 2 р. 25 коп., на 1 мѣсяць 75 коп.

За границу вдвое. Для военныхъ, духовенства, учителей, студентовъ высш. учебн. заведеній 50 к. въ мѣсяць.

Годовымъ подписчикамъ на 1908 годъ газета будетъ высылаться до 1-го января—БЕЗПЛАТНО.

Редакція и главная конторы газеты „Голосъ Москвы“ находится: въ Москвѣ, Леонтьевскій пер., домъ № 5.
Редакторъ Ю. В. Вульффертъ.

Издатель: „Московское Т-во для изданія книгъ и газетъ“.

„МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ НОВОМЪ 1908 ГОДУ.

богословскій, церковно-общественный ежемѣсячный журналъ, органъ православной внутренней миссiи.

Какъ и въ истекшія XII лѣтъ изданія своего, „Миссіонерское Обозрѣніе“ въ новомъ 1908 году будетъ не только научно-спеціальнымъ, но и жизненнопопулярнымъ органомъ, отзывчивымъ на все чрезвычайныя событія и явленія, какъ церковной, такъ и государственной и общественно-народной жизни и мысли, освѣщая ихъ свѣтомъ церковнаго православнаго ученія и истинно-научнаго знанія.

Редакція „Миссіонерское Обозрѣніе“ дастъ своимъ подписчикамъ:

1) 12 книжекъ журнала, въ объемъ 10 и болѣе печатныхъ листовъ по прежней программѣ.

2) Избранныя слова и рѣчи синодальнаго миссіонера-проповѣдника и церковно-политическаго дѣятеля протоіерея І. І. Восторгова, заключающія въ себѣ отклики на политическія и общественныя событія послѣднихъ лѣтъ.

3) Календарь для православнаго духовенства и церковныхъ людей, куда войдутъ все тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы пастырю, какъ священнослужителю, проповѣднику-миссіонеру, общественному дѣятелю, руководителю народа.

Въ „Колоколѣ“ и „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ принимаютъ участіе болѣе ста сотрудниковъ, въ томъ числѣ іерархи, профессора, миссіонеры, духовенство, свѣтскіе и духовные писатели. Газета имѣетъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ епархіальныхъ городахъ, а равно и въ прочихъ городахъ Россіи и за границей—въ Нью-Йоркѣ, Парижѣ и Берлинѣ.

Годовая подписная цѣна на „Миссіонерское Обозрѣніе“: 6 руб., на полгода 3 руб.

Подписавшіеся на журналъ „Миссіонерское Обозрѣніе“ и газету „Колоколъ“ платятъ 10 руб. за оба изданія, причѣмъ допускается разсрочка платежа, именно 5 руб. вносятся при подпискѣ и 5 руб. послѣ Пасхи включительно до 1-го мая.

Внесшіе полностью 10 руб. за оба изданія пользуются правомъ на получение „Симфоніи“, (новаго карманнаго формата) за полцѣны т. е. за 1 р. 50 к., вмѣсто 3 руб.

Редакторъ „Мисс. Обозр.“ *В. М. Сявирцовъ*

Издательница *Ю. А. Сявирцова.*

Содержаніе: Соціаль-демократія и религія. — 1 января 1908 года. — Въ тишомъ Серафимовскомъ угодкѣ. — Англійскій корреспондентъ о русской церкви. — Религіозные вопросы и темы въ произведеніяхъ Леониды Андреева. — Часы. — Моя молитва. — Молитва русскаго. — Лѣтопись епархіальной жизни. — Изъ писемъ въ редакцію. — Объявленія.

При семь № прилагается „Московскій Благорѣчь“ № 1. Цѣна листовъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выискѣ на 5 руб., пересылка бесплатно.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извѣковъ.

Исп. об. редактора
Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

5 января.

№ 1.

1908 года.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Его Высокопреосвященства, отъ 8 дек. 1907 г. за № 14811, протоіерей Московской Богородице-Рождественской, на Бутыркахъ, церкви Николай *Вознесенскій* назначенъ сверхштатнымъ членомъ Московской Духовной Консисторіи, по 1-й экспедиціи.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Его Высокопреосвященствомъ 15 декабря священникъ Спасской церкви с. Петровскаго, Богородицкаго у., Іоаннъ *Сокольскій* утверждень въ должности благочиннаго 4-го округа Богородскаго уѣзда.

Его Высокопреосвященствомъ 27 декабря священникъ Воскресенской, с. Гуслицъ, церкви, Богородскаго у., Александръ *Глаголевскій* утверждень въ должности благочиннаго 5-го округа Богородскаго уѣзда.

Его Высокопреосвященствомъ 27 декабря разрѣшено монаха Серпуховскаго Бѣлопесоцкаго монастыря *Назарія* рукоположить въ санъ іеродіакона.

Его Высокопреосвященствомъ 28 декабря протоіерей Московской Богородице-Рождественской, на Бутыркахъ, церкви Николай *Вознесенскій* освобождень отъ обязанностей благочиннаго, за назначеніемъ его сверхштатнымъ членомъ Московской Консисторіи.

Опредѣлены:

1) На вакансію неаломника при Московской Богородицкой, что при Убѣжищѣ Св. Маріи для неизлѣчимо-больныхъ и слабо-

умныхъ дѣтей, церкви учитель Московской Воскресенско-Таганской церковно-приходской школы Борисъ *Померанцевъ*, 13 дек.

2) На вакансію псаломщика къ церкви с. Буйгорода, Волоколамского у., бывший псаломщикъ Московской Сергіевской, въ Пушкинѣ, церкви Алексѣй *Смирновъ*, 14 дек.

3) На вакансію священника къ церкви с. Покровскаго-Буянова, Бронницкаго у., діаконъ села Сандырей, Коломенскаго у., Павелъ *Данилевскій*, 15 декабря.

4) На вакансію священника къ церкви с. Салтыкова, Бронницкаго у., учитель Волоколамской соборной церковно-приходской школы Алексѣй *Знаменскій*, 15 декабря.

5) И. д. псаломщика церкви с. Аксиньина, Московскаго у., бывший воспитанникъ Дмитровскаго духовнаго училища Иванъ *Смирновъ*, 18 дек.

6) На вакансію священника къ церкви с. Смолина, Верейскаго у., учитель Московской Николо-Пыжевской церковно-приходской школы Александръ *Полятскій*, 17 дек.

7) На вакансію священника къ церкви пог. Дорковъ, Бронницкаго у., учитель Бронницкой соборной церковно-приходской школы Сергій *Лебедевъ*, 19 дек.

8) И. д. псаломщика къ церкви с. Поджигородова, Клинскаго у., бывший воспитанникъ 1-го класса, Виѣанской духовной семинаріи Владиміръ *Осташевскій*, 20 дек.

9) На штатную псаломщическую вакансію къ церкви с. Ильинскаго на Москвѣ рѣкѣ, Звенигородскаго у., сверхштатный псаломщикъ той же церкви Викторъ *Орловъ*, 20 дек.

10) И. д. псаломщика къ церкви с. Бортникова, Коломенскаго у., бывший воспитанникъ 1-го класса Московской Духовной Семинаріи Николай *Лебедевъ*, 20 дек.

Перемѣщены:

1) И. д. псаломщика церкви с. Подмошья, Дмитровскаго у., Александръ *Соловьевъ*, исправляющимъ должность псаломщика къ церкви св. Петра Митрополита, при дер. Авсюниной, Богородскаго у., 13 дек.

2) На вакансію псаломщика къ церкви с. Ламишина, Звенигородскаго у., псаломщикъ с. Дарны, того же у., Іосифъ *Косминскій*, 13 дек.

3) На вакансію псаломщика къ Преображенской церкви г. Дмитрова псаломщикъ церкви с. Городка, Дмитровскаго у., Николай *Орловъ*, 14 дек.

4) Псаломщики церквей: с. Захарьина, Дмитровскаго у., Николай *Хотьковский* и с. Горбасьева, Клинскаго у., Николай *Патонкинъ*—одинъ на мѣсто другого, 20 дек.

5) На вакансію священника при Татьяновской тюрьмой, г. Богородска, церкви священникъ с. Сапронова, Коломенскаго у., Димитрій *Смиренскій*, 29 дек.

Уволены за штатъ:

1) Псаломщикъ церкви с. Иванъ, Бронницкаго у., Алексѣй *Зеленинъ*, согласно прошенію, 13 дек.

2) Псаломщикъ церкви пог. Усмерска, Бронницкаго у., Веніаминъ *Тауровъ*, согласно прошенію, 13 дек.

3) Псаломщикъ церкви с. Аксиньина, Московскаго у., Николай *Никитскій*, согласно прошенію, 18 дек.

Исключены изъ списковъ умершіе:

1) Псаломщикъ Московской Пантелеимоновской, при Маринскомъ пріютѣ Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, церкви Николай *Шаровъ*, 18 дек.

2) Настоятель Московскаго Никольскаго единоѵрческаго монастыря игумень *Сергій*, 12 дек.

3) Діаконъ церкви с. Анискина, Богородскаго у., Александръ *Смоленскій*, 7 дек.

4) Псаломщикъ церкви с. Алексѣевского, Московскаго у., Александръ *Успенскій*, 18 дек.

Награды.

Его Высокопреосвященствомъ 27 декабря награждены набедренниками: священникъ церкви при Московскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ женскомъ профессиональномъ училищѣ Всеволодъ *Соболевъ* и іеромонахъ Николо-Перервинскаго монастыря Валентинъ.

СПИСОКЪ

учениковъ духовныхъ училищъ и семинарій Московской епархіи, коимъ назначены пособія изъ Братства Святителя Николая на текущій 1907 $\frac{7}{8}$ учеб. годъ.

Волоколамскаго духовнаго училища.

IV класса:

1.	Воронцову Дмитрію	25 р.
	Добролюбову Николаю	20 "
	Купленскому Владиміру	25 "
	Недумову Валеріану	25 "
	Покровскому Михаилу	25 "
	Синайскому Сергѣю	20 "
	Смиренскому Александру	20 "

III класса:

	Виноградову Николаю	25 "
	Надеждину Сергѣю	25 "
10.	Скобѣеву Николаю	35 "
	Соловьеву Дмитрію	35 "
	Спасскому Борису	20 "
	Стеблеву Александру	20 "

II класса:

	Воскресенскому Николаю	25 "
	Рябнову Николаю	25 "
	Смирнову Александру	20 "
	Солнцеву Сергѣю	25 "
	Фивейскому Сергѣю	25 "

I класса:

	Крылову Петру	20 "
20.	Троицкому Сергѣю	20 "

Всего 20 ученикамъ 480 р.

Дмитровскаго духовнаго училища.

IV класса:

1.	Виноградову Ивану	25 р.
	Болоколову Алексѣю	20 "

Куньевымъ Михаилу и Ш кл. Алексѣю.	30 р.
Озерецковскому Николаю	30 "
Соболеву Александру.	20 "
Успенскому Виктору.	20 "

III класса:

Боголѣпову Алексѣю.	25 "
Боголѣпову Георгію	20 "
10. Замысловымъ Александру и I кл. Виктору.	25 "
Скворцову Алексѣю	30 "

II класса:

Даеву Александру.	20 "
Львову Владиміру.	20 "
Писареву Василию.	25 "

I класса:

Архангельскому Сергѣю.	25 "
Аѳонскому Ивану	20 "
Демосѣнову Владиміру.	20 "
Казанскому Николаю.	20 "
20. Никольскому Ивану	25 "
Писареву Андрею	20 "
22. Розанову Сергѣю	40 "

Всего 22 ученикамъ 480 р.

Донского духовнаго училища.

IV класса:

1. Багрецову Николаю	20 р.
Вишнякову Николаю.	15 "
Демокритову Ивану	50 "
Колоколовымъ Николаю, II кл.—Сергѣю и I кл.—Василію	30 "
Лебедеву Борису.	25 "
Любимову Борису.	20 "
Модестову Николаю	20 "
10. Покровскому Сергѣю 2-му.	20 "
Сахарову Петру.	25 "
Соколову Сергѣю	25 "
Спискову Сергѣю	35 "
Терновскому Николаю	20 "
11. Оивейскимъ Ивану и II кл.—Сергѣю.	40 "

III класса:

	Зайцеву Борису	30 р.
	Кедрову Сергѣю	25 "
	Любимову Ивану	25 "
20.	Некрасову Григорію	30 "
	Никольскому Сергѣю	20 "
	Орлову Сергѣю	20 "
	Смирнову Михаилу	35 "
	Щеглову Николаю	15 "

II класса:

	Вознесенскому Алексѣю	15 "
	Лебедеву Михаилу	25 "
	Лебедеву Александру	25 "

I класса:

	Блохину Константину	25 "
	Ильинскому Александру	20 "
30.	Наумовецъ Андрею	35 "
	Некрасову Николаю	20 "
	Озерцовскому Николаю	20 "
	Протопопову Николаю	30 "
34.	Рождественскому Семеону	20 "

Всего 34 ученикамъ. 780 р.

Приняты въ Братскій пріютъ:

IV кл.—Ключаревъ Александръ.

II " — Звѣревъ Сергѣй.

I кл.—Ивановъ Алексѣй.

Законоспаскаго духовнаго училища.

IV класса:

	Хвалебнову Борису	30 р.
	Смирновымъ Борису и I кл.—Дмитрію.	30 "

II класса:

	Разумовскому Ивану	25 "
--	------------------------------	------

Всего 3 ученикамъ. 85 р.

Звенигородскаго духовнаго училища

IV класса:

1. Бухареву Николаю	20 р.
Косьминскимъ Николаю и I кл. Владиміру.	40 ..
Лаврову Ивану	20 ..
Розановымъ Алексѣю и Сергѣю	30 ..

III класса:

Аѳонскому Александру	30 ..
Величкину Вячеславу	20 ..
Вишнякову Алексеѣю	20 ..
10. Городецкому Константину	35 ..
Истомину Павлу	75 ..
Лебедеву Ивану	35 ..

II класса:

Державину Виктору	20 ..
Конокотину Александру	24 ..
Лебедеву Николаю	20 ..

I класса:

Вознесенскому Василю	20 ..
Десятову Алексѣю	30 ..
Смирнову Дмитрію	25 ..
Скобѣву Дмитрію	25 ..
25. Сперанскому Павлу	20 ..
21. Поспѣлову Дмитрію (классъ неизв.)	30 ..

Всего 21 ученикамъ 539 р.

Коломенскаго духовнаго училища

IV класса:

1. Беневоленскому Николаю	20 р.
Протопопову Николаю	15 ..

III класса:

Крылову Константину	20 ..
Сергѣеву Виктору	20 ..
Сахаровымъ Геннадію и Василю	40 ..
Широгорову Ивану	40 ..

I класса:

	Васильеву Николаю	20 р.
	Левитскому Василию	20 "
10.	Лебедеву Николаю	40 "
11.	Орлову Николаю	20 "
	Всего 11 ученикамъ	255 р.

Перевинскаго духовнаго училища

IV° класса:

1.	Лебедеву Владиміру	20 "
	Розанову Владиміру	25 "
	Тархову Θεодору	20 "
	Яхонтову Николаю	25 "

III класса:

	Богословскому Василию	30 "
	Любимову Василию	30 "
	Мирославскому Андрею	20 "
	Никольскому Петру	40 "
10.	Омировымъ Константину и пригот. класса Сергѣю	35 "
	Соколову Василию	35 "

II класса:

	Лебедеву Роману	40 "
	Сахарову Кириллу	50 "
	Уклонскому Алексѣю	25 "

I класса:

	Бѣляеву Николаю	20 "
	Нарциссову Алексѣю	40 "
	Нечаеву Василию	30 "
	Остроумову Сергѣю	20 "
	Смирнову Николаю	25 "
20.	Соловьеву Николаю	20 "
	Соболеву Александру	25 "
	Хорову Александру	35 "

Приготовит. класса:

	Любимову Александру	25 "
	Сахарову Сергѣю	20 "

Троицкому Виктору	20 р.
26. Троицкому Константину.	25 „
Всего 26 ученикамъ.	700 р.

Прошение ученика I кл. Некрасова Гавриіла, какъ сироты, отослано въ Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія.

Виванской духовной семинаріи

V класса:

Доброву Георгію (стипендіату г.г. Забѣлиныхъ).	100 р.
--	--------

Всего одному воспитаннику. 100 р.

Московской духовной семинаріи

VI класса:

1. Звѣреву Василю 2 отд. въ уплату долга за прошедшій годъ.	30 р.
Соловьеву Дмитрію.	45 „
Успенскому Михаилу въ уплату долга за прошедшій годъ	16 „
Друганову Константину въ уплату долга за прошедшій годъ	50 „

V класса:

Тихоміровымъ Александрю и 4 кл. Николаю.	40 „
--	------

IV класса:

Преображенскому Александрю 1 отд.	30 „
---	------

III класса:

Блохину Дмитрію 1 отд.	45 „
Введенскому Алексѣю 1 отд.	45 „

10. Лебедеву Михаилу 1 отд.	30 р.
Ильинскому Матвѣю 2 отд.	45 "
Петропавловскому Павлу	45 "
Соколову Александру.	30 "

II класса:

Гжельскому Петру 3 отд.	30 "
Иоакиманскому Николаю.	30 "
Некрасову Александру	30 "
Орлову Ивану 2 отд.	30 "
Розанову Павлу.	45 "
Рождественскому Николаю.	30 "
20. Троицкому Александру 3 отд.	30 "

I класса:

Воинову Василию	30 "
Крылову Василию 2 отд.	30 "
Протасову Николаю 3 отд.	45 "

Стипендіату г.г. Забѣлиныхъ воспитаннику VI класса

24. Русанову Николаю. 110 р.

Всего 24 воспитанникамъ. . . 891 р.

Пропшенія воспитанниковъ V кл.—Миловидова Ивана, III кл.—Архангельскаго Дмитрія, II кл.—Минервина Александра, Соколова Клавдія, I кл.—Соколова Павла, Малинина Ивана, какъ сиротъ, отправлены въ Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія.

Предсѣдатель Совѣта Братства Николаевленской, на Арбатѣ, церкви, священникъ *Александръ Добролюбовъ*.

Дѣлопроизводитель діаконъ *Николай Громовъ*.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извѣновъ.

Редакторъ Секретарь Консисторіи
П. Беллавинъ.